

Урожайный Детский

Наталья Александрова

Сковорода Ближнего Боя

Иронический детектив (АСТ)

Наталья Александрова
Сковорода ближнего боя

«АСТ»

2009

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Сковорода ближнего боя / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2009 — (Иронический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-099073-3

Казалось бы, счастливая семейная жизнь Василисы Селезневой в одночасье дала трещину. Муженек завел любовницу – молодую наглую коллегу по работе. Расставание вышло болезненным, не обошлось и без скандала, но здраво рассудив, что этот козел не стоит ее слез, Василиса начала жизнь с чистого листа. Однако, как поется в одной песне, «и вечный бой, покой нам только снится...». В одно прекрасное утро Василису доставили в отделение полиции, где предъявили обвинение в убийстве стервы-любовницы. Понимая, что все это чудовищное недоразумение или чей-то злой умысел, госпожа Селезнева полна решимости разобраться в ситуации и оправдать свое честное имя. Книга также выходила под названием «Кодекс поведения блондинки».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099073-3

© Александрова Н. Н., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	38
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Сковорода ближнего боя

© Н. Александрова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Мне снилось, что я каким-то образом оказалась то ли в затерянном мире, описанном Конан Дойлем, то ли в парке юрского периода из одноименного американского фильма: будто я бегу по бескрайней равнине, заросшей густой высокой травой, а за мной гонится огромный и очень злобный тираннозавр. Он уже почти догнал меня и примеривается, как бы половчее схватить своей страшной пастью, и вдруг, о чудо, прямо передо мной возникает вход в пещеру! Я бросаюсь в спасительную тьму, но тут же спотыкаюсь, скатываюсь куда-то очень глубоко – и вдруг слышу перед собой угрожающее рычание... Неужели я угодила напрямик в логово какого-то доисторического хищника? Пещерного льва или саблезубого тигра?

Я проснулась, но легче от этого мне не стало.

Прямо надо мной нависала огромная, широко распахнутая пасть, полная страшных желтоватых зубов. В первый момент я не видела ничего, кроме этих зубов, но затем разглядела маленькие глазки, горящие, как два раскаленных угля, и огромную звериную морду в крупных складках, словно вышедшую из ночного кошмара или из фильма ужасов...

Чудовищная пасть приблизилась вплотную к моему лицу, из нее раздалось то самое грозное рычание, которое я слышала во сне, – что-то среднее между звуком форсированного мотоциклетного мотора и отдаленной грозой.

Пасть распахнулась еще шире – наверное, при большом желании я целиком могла бы в ней поместиться. Из нее вывалился огромный лиловый язык...

– Бонни, сколько раз тебе говорила – не смей лизаться по утрам! Я еще толком не проснулась...

С этими словами я отпихнула локтем зубастую пасть и попробовала натянуть на себя одеяло.

Это мне, конечно, не удалось, потому что у Бонни были на мой счет совершенно другие планы. В отличие от меня он уже проснулся, был бодр и весел и теперь хотел немного повожиться и поиграть в шумные, подвижные игры.

– Сколько времени? – спросила я недовольным тоном и завертела головой в поисках будильника.

Бонни с громким лязгом захлопнул пасть, отполз от меня и выразительно покосился на этот самый будильник.

На нем было уже восемь тридцать, так что Бонни был в своем праве.

Он привык, что в половине девятого его выводят на прогулку, и не собирался менять распорядок дня. Бонни вообще очень уважает режим, можно сказать, он – раб своих привычек. Я тяжело вздохнула и опустила ноги на пол.

Бонни радостно взвизгнул и тоже скатился с кровати, представ передо мной во всей своей красе.

Бонни – бордоский дог красивого песочного цвета.

Бордоские доги вообще очень крупные собаки, но Бонни вымахал великаном даже для своей породы. Его с трудом приняли на собачью выставку. Так, по крайней мере, говорил его прежний хозяин, Борис Алексеевич Ланский.

Именно от него я несколько месяцев назад унаследовала Бонни.

Борису и его жене Нелли нужно было срочно уехать за границу, и они наняли меня, чтобы я пару недель посидела с собакой. Из той роковой поездки они не вернулись, и мы с Бонни остались вместе навсегда. Впрочем, это совершенно другая история¹. А сейчас мне нужно срочно отправляться с псом на прогулку, а то он уже дает мне понять, что больше ждать не в состоянии! Притворяется, конечно, но сегодня, несмотря на начало октября, стоит удивительно хорошая погода – золотая осень, поэтому Бонни можно понять. Он обожает бегать по газонам, усыпанным желтыми кленовыми листьями, его приятный песочный колер очень гармонирует с осенней гаммой.

Я торопливо натянула старые джинсы, свитер, ветровку и, зевая и потягиваясь, поплелась в коридор.

По лестнице мы сбегали в хорошем темпе, внизу Бонни даже не задержался возле статуи богини Фемиды, которую он обычно норовил описать (была у него такая странная привычка). Дом, в котором мы сейчас живем, – старый, как и многие дома на Васильевском острове, но хорошо отремонтирован, квартиры в нем дорогие, на первом этаже большой холл, выложенный плиткой, посередине – статуя Фемиды, сохранившаяся с позапрошлого века. Бонни пес не слишком хулиганский, но на Фемиду регулярно пытается поднять лапу. Никакого почтения к богине правосудия!

В этот раз я была начеку, и всего через пятнадцать минут мы уже двигались к нашему обычному месту прогулок – к зеленой зоне на берегу реки Смоленки. Это единственное место в округе, где окрестные собаки могут вволю побегать и обменяться последними новостями.

Однако мы не успели дойти до собачьей площадки, как случилось самое страшное, то, чего я всегда больше всего боялась, – на пути Бонни попала кошка.

Самая обыкновенная полосатая помойная киса гордо и неторопливо шествовала поперек тротуара с видом по меньшей мере герцогини в изгнании. Правда, заметив Бонни, она возмущенно фыркнула и немного прибавила шаг.

Пес изо всех сил дернул поводок, я не удержала его, выпустила... и Бонни скрылся в ближайшей подворотне следом за нахальной киской!

Я схватилась за голову: бежать за бордоским догом – дело совершенно безнадежное, это под силу лишь олимпийскому чемпиону по бегу на короткие дистанции.

Оставалось только ждать, пока ему самому надоест гонка по дворам и он вернется ко мне, усталый, но довольный. Во всяком случае, так было до сих пор.

К счастью, совсем рядом на бульваре стояла удобная скамья, и я уселась на нее, подставив лицо ласковым лучам осеннего солнышка.

В конце концов, думала я, Бонни непременно вернется, а я пока немного передохну и приведу в порядок свои мысли... Давно пора серьезно подумать о дальнейшей жизни.

Однако не тут-то было. Прошло всего несколько минут, и вдруг рядом со мной на скамейку опустился мужчина с довольно неприятным лицом, в мятых темных брюках и серенькой курточке.

«Ну вот, – подумала я раздраженно. – Стоит только расслабиться, обязательно появится какой-нибудь козел и начнет вязаться! Как будто вокруг мало свободных скамеек!»

Действительно, незнакомец придвинулся ко мне и повернулся, явно намереваясь вступить в разговор.

Я, в свою очередь, приготовилась его красиво отшить.

Однако первые же его слова повергли меня в шок.

– Гражданка Селезнева? – сурово осведомился незнакомец.

– Да, – растерянно ответила я, – это я... а вы кто такой и что вам от меня нужно?

¹ Читайте роман Н. Александровой «Бородатая женщина желает познакомиться».

– Капитан милиции Творогов! – заявил незнакомец и предъявил мне служебное удостоверение. – А это – капитан Бахчинян! – И он показал на кого-то за моей спиной.

Я обернулась и увидела, что с другой стороны от меня на скамейку сел смуглый горбоносый брюнет в светлом плаще.

– И что же вам обоим от меня нужно?

– Вам придется пройти с нами в отделение милиции, – ответил первый капитан. – Там мы вам все объясним.

– А здесь вы не можете мне это объяснить? – упорствовала я. – И вообще, я жду Бонни...

– Что ты с ней церемонишься, Никитич? – вступил в разговор второй капитан. – Гражданка Селезнева, вам придется пройти с нами! Вы арестованы по обвинению в тяжком преступлении!

– В каком еще преступлении? – Я в полном изумлении уставилась на грубого брюнета. Все происходящее казалось мне дурацкой шуткой. Кстати, совершенно не смешной.

– В убийстве! – брякнул Бахчинян.

– В убийстве?! – ошарашенно повторила я.

Теперь это казалось не шуткой, а дурным сном. Сейчас эти два капитана исчезнут, как утренний туман, растворятся в сладковатом осеннем воздухе, и я проснусь в своей собственной постели...

– Ну, ты спешишь, Тиграныч... – недовольно проговорил первый капитан. – Во-первых, она пока не арестована, а задержана, во-вторых, Елизавета Петровна будет недовольна, она хотела сообщить Селезневой, в чем ее обвиняют, в более подходящей обстановке...

– Один черт, – отмахнулся Бахчинян. – Она все равно будет недовольна... Короче, поехали!

Он поднялся со скамейки и рывком поднял меня.

Я поняла, что все это вовсе не шутка и уж точно не сон. В серьезности происходящего меня убедил спокойный рассудительный голос капитана Творогова.

Возле нас остановилась машина, дверцы ее распахнулись, и меня усадили на заднее сиденье.

– А как же Бонни? – пролепетала я, выглядывая в окно.

Но мне никто не ответил. И тут я весьма кстати вспомнила, что не успела рассмотреть ничего в красной книжечке, что небрежно сунул мне под нос капитан Творогов. А может, он и не капитан вовсе? И вообще не из милиции? Ведь даже СМИ предупреждают, что кругом полно преступников, выдающих себя за представителей милиции... Подошли на улице, сунули в нос какое-то удостоверение, схватили, запихнули в машину. Откуда они вообще знали, что я – это я? И куда меня сейчас везут? Может, это похищение? И как же Бонни? Он вернется, а меня нет... Сам виноват, нечего было убегать, рассердилась я.

Ехали мы недолго и вскоре остановились перед обшарпанным трехэтажным зданием блекло-розового цвета на одной из линий Васильевского острова. Меня вывели из машины, провели в дверь, далее – по узкому полутемному коридору, в котором стоял неистребимый запах масляной краски, и втолкнули в небольшой кабинет, где за широким столом, заваленным многочисленными картонными папками и блокнотами, сидела молодая женщина со светлыми, коротко стриженными волосами и глазами, холодными и прозрачными, как две льдинки.

Что ж, мои опасения насчет фальшивых милиционеров не подтвердились, меня привезли явно в кабинет следователя. Но вот хорошо это или плохо, я определить затруднялась.

– Вот, Елизавета Петровна, мы доставили подозреваемую... – проговорил капитан Творогов, подталкивая меня к столу, и я поняла по его неуверенному голосу, что он очень боится этой светловолосой мымы.

– Свободны, – процедила блондинка ледяным голосом, и обоих капитанов как ветром сдуло, мы с ней остались одни.

Блондинка, однако, меня полностью игнорировала. Она вытащила из папки толстую пачку бумаг и стала деловито их перелистывать. Я всполошилась – не на меня ли заведено такое толстое дело? Вроде бы столько преступлений и за всю жизнь не совершить. Блондинка нашла нужный лист и перечитала его, внимательно сощурившись, после чего взяла ручку и аккуратно вписала в текст одно слово. Я привалилась к двери, внезапно почувствовав себя нехорошо. С утра не позавтракала, а тут еще нервозность с милицией. Блондинка покосилась на меня, но ничего не сказала, аккуратно убрала бумаги в папку и раскрыла другую. Я вытянула шею и увидела, что там страниц всего ничего. Похоже, настал мой черед.

– Сразу признаетесь? – Блондинка будто мне в душу уставилась своими ледяными глазами.

– В чем? – проблеяла я, чувствуя, как от этого взгляда меня сковывает арктический холод.

– Только вот не надо этого! – Блондинка повысила голос, и он заскрежетал, как заржавленное железо на морозе. – Только не надо изображать оскорбленную невинность! Вы отлично знаете, в чем виновны! И признание вины – единственное, что может хотя бы немного смягчить вашу участь!

Я попыталась взять себя в руки. Какого черта? Почему я позволяю этой замороженной рыбе кричать на меня? Почему я так перед ней трушу? Я не чувствую за собой никакой вины...

– Ни в чем я не виновна! – огрызнулась я, придвинувшись к столу на полшага. – И до сих пор не знаю, почему меня сюда привезли! Не имею ни малейшего представления.

Блондинка опустила глаза, что-то прочитала и спросила меня прежним ледяным голосом:

– Вам знакома гражданка Кочетова?

– Первый раз слышу!.. – фыркнула я.

– Вот как? – Блондинка явно оживилась. – Значит, сознательно вводим следствие в заблуждение? Сообщаем заведомо ложную информацию? У нас имеются многочисленные свидетели того, как вы пять дней назад ссорились с упомянутой гражданкой в ресторане «Семь слонов» и угрожали ее убить!

Девушка подняла на меня глаза и следила за моей реакцией, как кот следит за растерянной мышью.

– Ах, так это вы про Ольгу! – спохватилась я. – Ну да, я ее, конечно, знаю... Ольга Кочетова, еще бы мне ее не знать... Я просто фамилию забыла...

Да, действительно, еще бы мне не знать любовницу моего собственного мужа, из-за которой он вместе со своей мачехой подло выгнал меня из собственного дома! Конечно, следовало бы говорить «бывший муж», но пикантность ситуации заключается в том, что мы с ним еще не разведены, так что с этой самой Ольгой они живут, как говорили раньше, в грехе.

– Очень хорошо! – проскрипела блондинка. – Значит, память к вам понемногу возвращается! Вы уже вспомнили, что знаете гражданку Кочетову... так, может быть, заодно вспомните и то, как вы ее убили?

– Убила? – Тут я отвесила челюсть, ноги у меня подогнулись, и я шлепнулась бы на пол, если бы рядом не оказалось стула. Теперь я сидела напротив следователя, и ее ледяные глаза оказались еще ближе ко мне.

– Я вам, кажется, пока не предлагала сесть, – процедила та. – Впрочем, раз уж сели, сидите. Итак, вы признаете, что убили гражданку Кочетову О. П.?

– Нет, конечно... – выдохнула я. – Не буду говорить, что сильно расстроена ее смертью, но не имею к этому никакого отношения... А ее точно убили?

Во всем происходящем появился хоть один светлый момент.

– Где вы были в момент убийства? – спросила блондинка, пристально следя за мной.

– А когда ее убили? – переспросила я, с трудом осознав, что последний вопрос был ловушкой.

– Вопросы здесь задаю я! – отрезала блондинка.

– Тогда и отвечать на них будете сами! – огрызнулась я.

Девушка отложила ручку и сверлила меня глазами. Очевидно, таким взглядом смотрела на окружающих Снежная королева, после чего все птички и мелкие зверюшки падали к ее ногам замороженными тушками, а у мальчика Кая заledenело сердце.

Однако со мной такой номер не прошел – хоть ноги жутко замерзли и пульс замедлился, все же организм продолжал функционировать. Следовательно и сама, верно, поняла, что от моего замороженного тела ей проку не будет, поэтому первой отвела глаза.

Я увидела у нее на столе табличку с именем – Елизавета Петровна Кудеярова. Так вот о ком говорил капитан Творогов! Если уж ее даже коллеги боятся...

– Все же могу я узнать, как ее убили? – повторила я.

– Можете, – неожиданно снисходительно улыбнулась Елизавета Петровна. – Только сначала скажите, знаком ли вам данный предмет?

И точно так же, как балаганный фокусник вытаскивает из шляпы самые неожиданные предметы, от скромных букетов до кур-несушек и кроликов породы «белый великан», гражданка Кудеярова вытащила из ящика стола прозрачный полиэтиленовый пакет, в котором лежала самая обычная садовая тляпка с короткой ручкой.

– Ну да, – растерянно проговорила я, – это тляпка... обыкновенный садовый инструмент...

– Именно этим, как вы выразились, обыкновенным садовым инструментом была убита гражданка Кочетова! – заявила блондинка торжествующим голосом. – Семиухов!

– Что? – переспросила я, не расслышав последнее слово.

Впрочем, я тут же поняла, что оно относилось вовсе не ко мне.

Из угла кабинета вынырнул хлипкий низкорослый мужичок, которого я до сих пор не заметила. Впрочем, мне было не до того, суровая гражданка Кудеярова настолько завладела моим вниманием, что больше ничего и никого я не замечала.

Невзрачный Семиухов безмолвно подошел ко мне, положил передо мной на стол коробку с чем-то густым и черным, завладел моей правой рукой и, по очереди вымазав в этом черном пальцы, отпечатал их на белом картонном прямоугольнике. Потом он повторил такую же операцию с левой рукой.

До меня все доходило медленно, как до жирафа, но тут я сразу поняла, что у меня берут отпечатки пальцев.

– Можете не стараться, – сказала я, подняв глаза на Елизавету Петровну. – На этой тляпке наверняка будут мои отпечатки.

Дело в том, что я узнала свою тляпку. На ее ручке была очень характерная царапина, отдаленно напоминающая букву «М». Этой самой тляпкой я собственноручно взорвала и перекопала каждую клумбу, каждый цветник в саду...

Вспомнив свой любимый сад, я еще больше расстроилась. Сейчас там наверняка цветут поздние георгины, астры, алеет японский клен... пора укрывать на зиму розы, а этим без меня явно никто не озаботится...

Впрочем, это давно уже не мой участок, и не мой дом, и не мой муж, и не моя жизнь, и пора бы мне с этим смириться. Тем более что сейчас у меня есть гораздо более серьезные проблемы.

– Значит, вы все же решили признаться? – звенящим от торжества голосом спросила Кудеярова.

– Не в чем мне сознаваться, – ответила я неожиданно спокойно. – Только в том, что это моя тляпка, я ею долго пользовалась, и на ней наверняка есть мои отпечатки...

– Так вот, именно этой тляпкой два дня назад была убита гражданка Кочетова О. П.! – зловещим тоном произнесла следовательша. – Убита, между прочим, с особой жестокостью! А вы угрожали ей незадолго до убийства в присутствии многочисленных свидетелей...

– Мало ли кто кому угрожает! – попыталась я перейти в оборону. – Если бы все угрозы приводились в исполнение – на земле давно бы уже было малоллюдно, как в Антарктиде!

– Зря вы так. – Блондинка опустила взгляд в свои бумаги. – Зря вы не хотите сотрудничать со следствием! Зря отказываетесь признать свою вину! Это ваш единственный шанс смягчить наказание... хоть в какой-то степени!

– Я не собираюсь признаваться в том, чего не совершала! – упорствовала я. – До этой самой минуты я понятия не имела, что Ольга убита!

– Это только слова! – прошипела Кудеярова. – У вас был мотив, у вас была возможность, у вас было орудие... главный свидетель сразу указал на вас как на потенциального убийцу!

– Главный свидетель? – насторожилась я. – Какой еще главный свидетель?

– Гражданин Селезнев, муж потерпевшей!

– Ах, так вот это чьих рук дело? – воскликнула я возмущенно. – Так это Володька расстарался, натравил вас на меня! Ну, гад ползучий! Ну, попадись он мне...

– Что, его вы тоже решили убить? – процедила Кудеярова. – Думаю, у вас ничего не выйдет. Мы не дадим вам такой возможности!

– А с какого это перепугу вы его назвали мужем потерпевшей? – вскинулась я, запоздало отреагировав на ее предыдущую фразу. – Между прочим, с точки зрения закона он пока что мой муж! А ваша потерпевшая – его любовница!

– Неважно. – Блондинка снова опустила глаза и сверилась со своими записями. – Где вы были пятого октября между пятнадцатью и восемнадцатью часами?

Я задумалась.

Меня всегда очень удивляло, когда в детективах подозреваемого спрашивают, где он был в такое-то время три месяца назад, и он тут же уверенно отвечает. Я вот, к примеру, могу с трудом вспомнить, где была сегодня с утра, насчет вчерашнего дня, если поднапрячься, – пожалуй, тоже, а вот про прошлую неделю нечего и пытаться. К счастью, с пятого числа прошло всего два дня, и я кое-как вспомнила, что с утра мы с Бонни ходили к ветеринару – мне показалось, что пса беспокоит живот. Ветеринар осмотрел его и сказал, что все в порядке, но Бонни немного перекормлен, и посоветовал убавить его порции. Бонни, кстати, ветеринар очень не понравился.

Так вот, от собачьего доктора мы вернулись примерно в двенадцать и после этого не выходили из квартиры до вечерней прогулки... и нас никто не видел...

– Мы были дома, – честно призналась я.

– Мы – это кто?

– Я и Бонни.

– Кто такой этот Бонни? Он сможет подтвердить ваше алиби? – В голосе Кудеяровой впервые зазвучало сомнение в моей виновности. Точнее, в том, что она эту виновность сумеет доказать.

– Он бы с удовольствием подтвердил, – вздохнула я. – Да боюсь, что вы не примете его свидетельство... дело в том, что Бонни – это бордоский дог...

– А, собака! – Настроение у Елизаветы Петровны явно улучшилось. – Значит, алиби у вас нет...

– Выходит, нет... – вынужденно призналась я. – А у самого-то Володьки... у моего бывшего мужа... у гражданина Селезнева имеется алиби?

– Имеется! – холодно отрезала следователя. – Он в означенное время находился на работе, что могут подтвердить многочисленные свидетели...

– Не сомневаюсь, – пробормотала я вполголоса. – Володечка всегда очень заботился о своей безопасности...

– Так что, гражданка Селезнева, – она снова повысила голос, – может, не будем напрасно тратить время, не станем записаться, а честно признаемся в содеянном и тем самым облегчим

свою совесть? Алиби у вас нет, мотив есть, на орудии убийства – ваши отпечатки, и свидетельские показания говорят не в вашу пользу...

– Нет уж, ни в чем признаваться я не собираюсь, потому что ничего не совершала!

– Ну что ж... – Кудеярова сморщилась так, будто съела целый лимон. – Вам же хуже...

Она нажала на столе незаметную кнопку. В комнату вошел хмурый немолодой милиционер с кобурой на боку.

– В камеру ее! – буркнула Кудеярова и снова углубилась в изучение документов.

Милиционер взял меня за локоть и вывел в коридор.

На этот раз мы шли в другую сторону и гораздо дальше. Наконец коридор кончился, мы спустились по лестнице в подвальное помещение, прошли немного по другому коридору, выкрашенному унылой темно-зеленой краской, и оказались перед железной решеткой.

За решеткой на деревянных скамейках скучали две девицы самого разухабистого вида и пожилая цыганка. При нашем появлении они заметно оживились.

– Дядя Паша! – окликнула милиционера одна из девиц. – Купи мне сигарет! Курить хочу – сил нет! Купи, ты знаешь, какие я люблю, я тебе деньги после отдам...

– Или натурой расплатится! – хихикнула вторая девица.

– Перебьешься! – проворчал мой конвоир, бряцая ключами. – Вот, новенькую принимайте!

Он отпер замок, втолкнул меня за решетку и удалился, на прощание проговорив:

– Добро пожаловать в «обезьянник»!

– Привет, подруга! – Ко мне подошла та девица, что просила курева. – Сигареткой не угостишь?

Я более внимательно ее рассмотрела.

Сперва мне показалось, что ей лет двадцать пять, но теперь я засомневалась: ее потасканное личико могло принадлежать и тридцатипятилетней особе. Волосы у нее были выкрашены в выразительный оранжевый цвет, юбочка была такой длины, что ее вполне могли сшить из обычного галстука.

– Не курю... – честно ответила я.

– Это правда, что ли? – Девица уставилась на меня, как на экзотическое насекомое. – Может, ты еще и не пьешь?

– Не пью... – призналась я, чувствуя, что много теряю в ее мнении.

– И кокос не нюхаешь? – продолжала она допрос.

– Кокос? Какой кокос? – переспросила я с недоумением.

Я иногда пользовалась кокосовой стружкой для приготовления десертов, но не представляла, зачем ее нюхать.

– С тобой все ясно! – презрительно процедила девица. – Так за что же тебя тогда сюда упекли?

– За убийство... – ответила я со вздохом.

– Правда, что ли? – На этот раз в ее глазах и голосе появилось уважение. – Кого пришила-то?

– Да никого я не убивала! – Я не смогла сдержать своих эмоций. – Мало мне этой мымры замороженной, так еще перед тобой придется оправдываться?

– Тебя что – сама Кудеярова допрашивала? – сочувственно поинтересовалась девица. – Ну, это та еще стерва, кого угодно достанет! Уж если она вцепится – ни за что не выпустит, как бультерьер... Меня, кстати, Ксана зовут.

– Василиса... – машинально ответила я.

– Редкое имя! Но ты все-таки честно скажи – кого убила? Тут все свои, можешь не стесняться!

– Говорят же тебе – никого я не убивала! Меня по недоразумению арестовали!

– Ну-ну, ты не кипятись... мы все тут по ошибке... А кого тебе Кудеярова шьет?
– Шьет? – переспросила я удивленно.
– Ну, ты тундра! Ваше по-русски не понимаешь! Чье убийство на тебя хотят повесить?
– Любовницы бывшего мужа... – призналась я. – То есть не бывшего, мы с ним еще не развелись... а когда он с ней закрутил, вообще вместе жили...

– Вот гад! – посочувствовала мне Ксана.
– И он же меня из дому выставил... – добавила я.
– Вот гад! – повторила собеседница. – Правильно ты ее угробила! Надо было и его тоже!
– Да не убивала я никого! И в мыслях такого не было! Хотела забыть все как страшный сон...

– Правильно, девочка, правильно! – Из угла «обезьянника» раздался низкий, хриплый голос цыганки. – Забудь и из головы выкинь! А чтобы вернее забыть – купи у Мамы Розы коньячку... хороший коньячок, пару глотков выпьешь, и полегчает...

С этими словами она задрала одну из своих бесчисленных пестрых юбок и ловко достала из-под нее плоскую фляжку:

– У Мамы Розы все есть – и коньячок, и кокос, и курево... только скажи – все тебе будет!..
– Чего ж ты курево ищешь, если у нее все есть? – удивленно спросила я Ксану.
– Да она такие деньги ломит – не подступишься! – отмахнулась та. – Не вздумай ничего у нее покупать!

– Что ты такое говоришь? – возмущенно загудела цыганка. – Что значит – не вздумай?! Если человеку что-то нужно – я всегда помогу, а что свой интерес соблюдаю – так я в своем праве. Нет такого закона, чтобы даром работать! Тем более сейчас... Ты, девочка, ее не слушай, ты Маму Розу слушай, я тебе все правильно скажу, всему научу и помочь могу! Если свидание с кем надо устроить – это тоже запросто... у меня верные люди есть, помогут...

– Все она врет! – перебила цыганку Ксана. – Деньги возьмет и ничего не сделает! Я ей сдуру за свидание заплатила, так что ты думаешь – она ничего мне не устроила...

– А я не виноватая! – воскликнула цыганка. – Если твой хахаль тебя видеть не хочет, при чем тут Мама Роза?

– Врешь ты все, мегера старая! – завопила Ксана и подскочила к цыганке с явным намерением вцепиться ей в волосы. – Костик меня любит...

– Эй вы, уговоритесь! – донесся из коридора голос пожилого милиционера, который привел меня в «обезьянник». – Уговоритесь сей момент, а то я сам у вас порядок наведу!..

Видимо, арестантки хорошо знали дядю Пашу и нисколько не сомневались в серьезности его угрозы, поэтому разошлись по разным углам, как боксеры между раундами, и только обменивались неприязненными взглядами.

И тут на меня напал страх. До сих пор как-то не было времени осознать свое положение, все случилось слишком неожиданно. Сидит человек себе спокойно в сквере на лавочке, дремлет на ласковом осеннем солнышке – и вдруг к нему подходят, хватают под белы ручки и волокут в каталажку. И шьют дело об убийстве.

Тут я расстроилась еще больше, потому что даже в мыслях стала выражаться как здешние многоопытные обитательницы. Этак еще немножко – и я куплю у Мамы Розы коньячку, чтобы стресс снять! Нет, нужно срочно взять себя в руки, попытаться осознать все случившееся и придумать, как выбраться из этой ситуации.

Внезапно я поняла, что мне никто не поможет. Родственников у меня нет, друзей влиятельных тоже. Да и вообще друзей нет, так уж случилось в жизни. Поэтому надеяться я могу только на себя.

Воспользовавшись наступившей тишиной, я прикрыла глаза и погрузилась в воспоминания.

Собственно, вспоминать было нечего, последняя моя встреча с мужем и с потерпевшей Ольгой Кочетовой произошла не так давно, несколько дней назад, в ресторане «Семь слонов», как совершенно правильно заметила следователь Кудеярова. И скандал там имел место. Еще какой скандал, чуть до драки не дошло, хорошо хоть нас растащили. Сама не знаю, что на меня накатило, я вообще-то девушка неконфликтная, дура доверчивая – это да, но такое быстро проходит.

Итак, перед моим мысленным взором предстал весь тот эпизод в ресторане.

Сама себе удивляясь, я пристально рассматривала сидящего напротив мужчину. За те без малого пять месяцев, что мы не виделись, он очень изменился. К худшему или к лучшему, это вопрос, так сразу и не скажешь. Вроде бы не похудел, наоборот, поправился самую малость, стрижка та же, и он по-прежнему не сбрасывает три волоска над верхней губой. Помню раньше, еще до нашей свадьбы, вид этих волосков приводил меня в умиление. Теперь душа по привычке начала было наполняться нежностью, но я тут же опомнилась и призвала себя к порядку. Никаких сантиментов, это все – пройденный этап!

– Хорошо выглядишь... – пробормотал мой бывший муж.

То есть не бывший, а настоящий. По закону. Мы все еще состоим в браке, хотя брак этот, продержавшись шесть лет, треснул по швам пять месяцев назад. Точнее, треснул он еще раньше, когда мой замечательный муженек взял в любовницы молодую стервозную сотрудницу по имени Ольга. А пять месяцев назад брак полностью развалился. С треском и скандалом, потому что я узнала обо всем совершенно случайно, от полужнакомого мужика на корпоративной вечеринке по поводу... не помню уже, по какому поводу они тогда праздновали.

В мгновение ока в голове пронеслась та ночь, самая ужасная ночь в моей жизни.

Мало того, что я была огорошена сообщением об измене, так еще, оказывается, моего блудного муженька покрывала свекровь... то есть мужу она приходилась мачехой, стало быть, мне она была никто. Оказывается, эти двое уже давно обо всем сговорились за моей спиной и теперь стояли насмерть.

Все дело было в доме.

Как утверждал незабвенный Воланд, нас всех испортил квартирный вопрос. Детей у нас не было – муж уговаривал меня подождать. И все нерастраченные силы я вложила в отделку и обустройство особняка. Мы жили там вдвоем, я полюбила дом и сад так сильно, что и думать не могла о разлуке с ними. Кроме того, мне просто негде было жить: свою собственную квартиру я продала, чтобы внести часть денег за дом. Они же меня уговорили. И вот эти двое в ту ночь довели меня до того, что я бежала от них, бежала в чем есть, прихватив только документы и сумку с необходимыми вещами.

И вот уже без малого пять месяцев мы не общались с мужем даже по телефону. Вначале я просто не могла себя заставить позвонить, потом накатило столько проблем, что некогда было думать о собственных неприятностях. В моей жизни появился Бонни, а потом – Иван².

И я выбросила из головы свои проблемы, вернее, не выбросила, а отодвинула в самый дальний угол. Иван работал в американской фирме, и ему предложили долгосрочную стажировку в Бостоне. О том, чтобы ехать с ним, не могло быть и речи – формально мы друг другу никто. К тому же не на кого было оставить Бонни.

В общем, Иван улетел в Штаты, а мы с Бонни остались в его квартире на Васильевском острове. Если Иван и вернется, то не скоро, поэтому перед его отъездом я намеренно не стала заводить разговор о наших отношениях, пускай все будет как получится. Откровенно говоря, Бонни я люблю больше. Но, сами понимаете, говорить такое близкому мужчине не рекомендуется.

² События описаны в романе «Бородатая женщина желает познакомиться».

После отъезда Ивана мы с Бонни немного расслабились. Вставали поздно, много гуляли, благо установилось наконец бабье лето и на улице было приятно находиться. Потом не спеша завтракали – я пила кофе, а Бонни, мигом сожрав свое кушанье, валялся у моих ног и клянчил то ветчину, то паштет. Вечерами я читала, а Бонни смотрел телевизор, он очень любит новости и разные познавательные передачи.

И вот, когда я уже начала озабоченно поглядывать в зеркало, опасаясь, как бы не растолстеть от такой праздной жизни, позвонил бывший муж и пригласил меня в ресторан, чтобы, как он выразился, обговорить вопрос о наших дальнейших действиях.

– Ему нужен развод, – сказала я, отвечая на вопрос в глазах Бонни, – что ж, может, это и к лучшему. Заодно заберу свои вещи, а то скоро зима, а я все еще в кроссовках.

Ресторан назывался «Семь слонов» и полностью соответствовал своему названию. Слонов в интерьере было понатыкано видимо-невидимо, начиная от крошечной фарфоровой семейки, уютно расположившейся на полочке над барной стойкой, до слоновьей головы в натуральную величину, вылезавшей из стены напротив входа. Ресторан был дорогой, это было видно по ненавязчивой услужливости официантов и одежде посетителей. У меня сразу же испортилось настроение: я уже говорила, что убежала от муженька с одной сумкой, а было это в начале июня. Так что унесла я с собой пару смен белья, босоножки да летний костюмчик. Ну, еще платье. А из теплых вещей один пиджачок и джемпер с открытым воротом, вот и все мое богатство.

Сейчас на мне были джинсы (не те, конечно, в которых гуляю с Бонни, но тоже не слишком приличные) и тот самый джемпер совсем не по погоде, потому что сегодня похолодало. Пришлось повязать на шею пестренький платочек. Куртку я сдала в гардероб, и надо было видеть, какими глазами смотрел парень, принимая ее у меня из рук. Ладно, сам-то при вешалках служит, а туда же!..

Я встретила изучающий взгляд мужа, все никак не решусь назвать его бывшим. Не то чтобы я надеялась на примирение, нет, наша семейная жизнь закончилась для меня в то самое мгновение, когда он во время скандала той страшной ночью едва не столкнул меня с лестницы. Что-то сломалось тогда внутри, и я поняла, что все между нами кончено. Возврата нет и не будет никогда.

Возможно, все к лучшему, я оторвалась резко, разом – было очень больно, зато зажило быстро.

Очевидно, в моем взгляде отразилось что-то не слишком лестное, потому что муж быстро отвел глаза и произнес с неестественным оживлением:

– Закажем что-нибудь? Я вообще-то не обедал...

Я тоже не обедала, но внезапно мне совершенно расхотелось есть. Этот ресторан навевал тревожные мысли, казалось, даже многочисленные слоны смотрят на меня неодобрительно, а тот, чья голова торчала из стены, так и вовсе с угрозой – того гляди выскочит, растопырит уши и затрубит грозно.

Я покачала головой, пытаюсь отогнать мрачные мысли. Муж подозвал официанта и увлеченно советовался с ним по поводу заказываемых блюд. Мне вдруг показалось дико сидеть здесь с ним как ни в чем не бывало и обедать, словно мы никогда не ссорились и не было той ужасной ночи. Не хочу я обедать за его счет! А если за свой, то тут слишком дорого, в трубу вылетишь!

Иван, уезжая, оставил мне денег, но немного, сказал, что еще потом пришлет. Но это когда будет, и те деньги пойдут на прокорм Бонни, собака должна питаться здоровой и полноценной пищей. Правда, ветеринар сказал, что Бонни нужно посадить на строгую диету, но сам бы попробовал это сделать. Бонни тот еще обжора, если ему недодать еды, он, пожалуй, меня съест...

Так что я должна экономить, а не транжирить деньги по дорогим ресторанам.

– Кофе, – сухо сказала я подскочившему официанту, – и пирожное без крема и сливок.

– Бережешь фигуру, – усмехнулся муж, – у тебя вроде и так все в порядке. Выглядишь отлично!

Это было заведомое вранье, выгляжу я не блестяще и сама это знаю. То есть, конечно, от ежедневных прогулок и хорошего сна щеки румяные и глаза блестят, однако я давненько не посещала парикмахерскую, не могу теперь покупать дорогую косметику, а про одежду уже говорилось. Вспомнив, что положение со шмотками катастрофическое, я решила перейти к делу.

– О чем ты хотел со мной поговорить? – самым деловым тоном осведомилась я. – Не пора ли начать, у меня мало времени.

Его взгляд тотчас дал мне понять, что муж мне ни капельки не верит, он прекрасно знает, что времени у меня навалом и я ничем не занята. Вот интересно, откуда он это знает? Хотя, глядя на меня, нетрудно догадаться, что дела мои идут не блестяще, тут ни ума особого не надо, ни наблюдательности.

Внезапно я разозлилась и поняла, в чем изменился мой бывший муж. Теперь передо мной сидел совершенно чужой человек. Несмотря на то, что в облике его было кое-что знакомое. К примеру, эту рубашку – светло-голубую в едва заметную полоску – покупала я. И галстук тоже именно я подарила ему на прошлый Новый год. Стало быть, его Ольга не слишком себя утруждает заботой о новом муже.

Я тут же опомнилась – какое мне дело до совершенно чужого человека, несмотря на то, что он носит одежду, купленную мной? То есть изменился не он, а я.

Официант принес мужу салат – большую тарелку, где среди свежей зелени расположились внушительные кусочки разнообразных морских гадов. Выглядело это аппетитно, и я сразу вспомнила, как Бонни обожает морепродукты. Такая вот у собаки фишка, прошлые хозяева в нем эту любовь всячески поощряли, я же не слишком балую пса, иначе его вообще ни в какие рамки не ввести. Но завтра обязательно куплю в супермаркете упаковку мороженных осьминожек и приготовлю салат под названием «Октопус».

Передо мной официант поставил крошечную чашечку кофе и удалился за пирожным.

– Перейдем к делу! – холодно сказала я.

– Ну погоди, дай поесть! – буркнул муж. – Весь аппетит отобьешь!

Во мне понемногу закипало раздражение. Какого черта? Сам позвонил, вызвал сюда, а теперь тянет резину!

Вот именно, поняла я, он тянет время. Вот только интересно, зачем ему это нужно? Хочет вывести меня из себя? Мы не виделись почти пять месяцев, я почти уверена, что за это время он благополучно забыл о моем существовании.

Я отхлебнула кофе, он был остывший и очень крепкий, сахар я положить забыла. И куда подевался официант с пирожным? А еще дорогой ресторан...

Муженек напротив меня расправлялся со своими морскими гадами с хрустом и чавканьем. И почему я раньше не замечала, что он так некрасиво ест?

Официант наконец соизволил принести мое пирожное, и я с остервенением его надкусила. Нужно было на что-то направить распиравшие меня чувства.

Зря я это сделала. Пирожное отдавало горелым сахаром и напоминало сухую штукатурку. Я едва сдержалась, чтобы не выплюнуть все на тарелку. Под насмешливым взглядом муженька пришлось проглотить эту гадость и запить горьким кофе. Жаль, что со мной нет Бонни. С каким удовольствием я натравила бы его сейчас на весь персонал этого заведения! Бонни по очереди загрыз бы официанта, повара, а на закуску мы оставили бы бармена, который заваривает такой отвратительный кофе.

В это время взгляд моего визави вдруг изменился. То есть он вообще перестал на меня смотреть и в своей тарелке больше не ковырялся – кстати, уже успел все сожрать, с аппетитом у него никогда проблем не было. Муженек поднял голову, и в глазах у него отразилась не радость, нет. Но явное облегчение.

Я похолодела, потому что поведение моего благоверного могло означать только одно: явилась Ольга. Ну да, теперь все объяснилось: и то, что он выбрал ресторан рядом со своим офисом – дескать, занят очень, может уделить мне время только в обед, и то, что он откровенно тянул время, то есть ждал ее прихода. А Ольга нарочно опаздывала, чтобы он поволновался.

Говорила я или нет, но мой муж совершенно не умеет скандалить. То есть не то чтобы не умеет – что тут уметь-то, дело нехитрое, каждый сможет, если себя как следует накрутить. Но мой бывший супруг скандалить не любит. Гадости делать он умеет, но исподтишка, а как доходит до открытой конфронтации, предпочитает, чтобы за него высказывались другие.

Так было пять месяцев назад, когда в нашу ссору вмешалась его мачеха и налетела на меня как фурия, так будет и сейчас. Этот негодяй предпочитает прятаться за спину своей сожительницы.

Муженек просветлел лицом и удовлетворенно улыбнулся, а мне стало нехорошо. Надеяться на то, что он так обрадовался, увидев своего старого школьного друга или девочку, с которой вместе ходили в старшую группу детского сада, не приходилось.

Я сделала все возможное, чтобы не повернуться, однако стерва, видимо, все поняла по моей спине. Попробуйте в такой ситуации не дрогнуть, и я посмотрю, как у вас это получится.

Позабыв следить за лицом, я слушала шаги. Ольга не слишком торопилась, но и не шла медленно, чувствовалось, что даме прогуливаться некогда. Словом, это были шаги уверенной в себе деловой женщины.

И вот она возникла передо мной, так что волей-неволей пришлось поднять голову и посмотреть на нее снизу вверх.

Да как ни взгляни, я была полностью деморализована. Она сменила стрижку – раньше у нее был короткий ежик, теперь же волосы довольно пышно спускались до середины шеи. И цвет волос изменился – из брюнетки она превратилась в светлую шатенку. В глубине души я не могла не признать, что ей так лучше – нос при пышных волосах не казался длинным, и рот был не очень большой. В остальном Ольга не изменилась: по-прежнему была очень худая, чуть угловатая – ну что он в ней нашел, в который раз задала я себе вопрос. И тут же напомнила сама себе, что теперь меня это уже не должно волновать.

И одежда... Тут уж мне стало совсем плохо. Курточка из нежнейшей кожи цвета молочно-орехового шоколада облегала фигуру, как будто ее собственная кожа. Вот если бы это была змеиная шкура, тогда бы я точно в это поверила.

Тут в голове всплыла какая-то важная мысль, точнее, не мысль, а отчетливое воспоминание. При нашем незабываемом скандале муженек и его мачеха напирала на то, что Ольга, дескать, беременна, и стало быть, только поэтому следует как можно быстрее поселить ее в нашем загородном доме – ребеночку, мол, нужен свежий воздух и все прочее...

Я в уме быстро прикинула: тест, конечно, покажет и десятидневную беременность, но мужчина обычно верит все же свидетельству врача. А тот с уверенностью констатирует беременность только недель в шесть... Будем считать, что Ольга не тянула время и тут же представила своему любовнику справку от врача. Да еще его убеждала, что ей нельзя делать аборт... Короче, понадобилось еще недели две. Уж я-то знаю своего мужа, он тугодум, небось долго привыкал к мысли, что в ближайшей перспективе может стать папочкой. Итого... я посчитала в уме: два месяца плюс пять, получается, как ни крути, месяцев семь беременности, ну может, чуть меньше.

И как это прикажете понимать? Любовница моего мужа была стройна как тополь, да что там, худущая она была, как спица от велосипеда. То самое место, в котором должен помещаться

ребеночек, находилось прямо перед моими глазами, так что отпали всякие сомнения: живот был плоский как доска – это в семь-то месяцев!

Какие сволочи, они меня обманули! Точнее, Ольга в свое время обманула любовничка, но вот как он не взбрыкнул, когда узнал, что его провели, словно лоха? Невероятно...

– Здравствуй, Вова! – чарующим голосом сказала эта зараза и чмокнула его в макушку.

Вот интересно, в начале нашего знакомства я пыталась звать его Вовой, но мне было строго-настрого это запрещено, вплоть до полного разрыва. Его зовут Володя, твердо сказал он мне, и никаких Вов, Вованчиков и Вовастых! И я, разумеется, смирилась, даже прощения просила, если оговорюсь ненароком. Дура я беспросветная, надо было расстаться с ним сразу же, сейчас не сидела бы тут, чувствуя себя оплеванной со всех сторон!

Володечка с грацией молодого бегемота обежал стол и подвинул стул своей королеве, потом наклонился к ней и куснул в ушко, отчего она слегка поморщилась. С неизъяснимым злорадством я отметила, что на макушке у него просматривается плешь, как говорила моя бабушка, «от чужих подушек», вот уж точно.

До того момента Ольга старательно делала вид, что меня не замечает, теперь же, усевшись напротив, она посмотрела в упор и слегка подняла брови, повернувшись к Володьке. Тот, улыбаясь, развел руками.

Его извиняющаяся улыбка тотчас вывела меня из себя. «Прости, дорогая, – говорила она, – извини за это досадное препятствие нашему счастью. Придется немного потерпеть, пока я разберусь...»

«Ни черта ты не разберешься! – мысленно вскипела я. – Ты ее нарочно позвал, чтобы она все за тебя сделала!»

От такой мысли мне легче не стало, однако сил прибавилось. Я успокаивала себя тем, что все плохое, что могли, они уже сделали, теперь мне терять нечего.

Слабое утешение.

Ольга растегнула курточку, но не стала ее снимать, показывая тем самым, что пришла сюда ненадолго. Сейчас она по-быстрому со мной разберется и пойдет дальше двигать карьеру, а я останусь тут – бедная, несчастная и никому не нужная.

Под курточкой у нее были джемпер – мягкий кашемир цвета опавшей осенней листвы – и бежевый шелковый шарф от «Гермеса», куда уж мне за ней с моим пестреньким платочком, купленным у тетки возле метро!

– Ты что тут делаешь? – прошипела Ольга сквозь зубы. – Чего расселась, как на собственном диване?

От неожиданности я поперхнулась, хотя кофе предусмотрительно решила недопивать, уж очень он горький, вдруг бармен туда яду добавил? Не поймешь, что за порядки в этом ресторане!

Да что она себе позволяет? Я посмотрела на Володьку, но он, разумеется, малодушно отвел глаза в сторону, предоставив нам самим разбираться.

– Не помню, чтобы мы с вами были на «ты».

Я хотела ответить этой нахалке спокойно-холодным тоном, но голос мой предательски задрожал, и из горла вырвалось какое-то невнятное блеяние.

Ольга откровенно хмыкнула, показывая, что от нее не укрылось мое смятение.

– Вроде бы приличный ресторан, а пускают всяких шлюх! – Она прошипела эти слова так, чтобы никто их не слышал, кроме меня и Володьки. Но тот усиленно смотрел в сторону и делал вид, что все происходящее не имеет к нему никакого отношения.

Я стала злиться по-настоящему. Какого черта? Сам мне позвонил, вызвал сюда для разговора. Нарочно хотел меня оскорбить? Я терялась в догадках.

Где-то в отдаленном уголке моих недоумевающих мозгов появилась здравая мысль – встать и немедленно уйти отсюда и общаться с этих пор с бывшим мужем только через адвоката, коего нанять буквально завтра с утра.

– Ну и видок у тебя! – продолжала, усмехнувшись, эта стерва. – По подвалам, что ли, валяешься?

– Владимир! – не выдержала я. – Уйми свою... наглую бабу, а то никакого разговора у нас не получится!

И как вам нравится? Эта скотина снова сделал вид, что ничего не видит и не слышит! Мне захотелось изо всех сил пнуть его под столом по коленке, а лучше – выше, так будет больнее. Но, боюсь, удар будет неточным.

– Ты, шалава подзаборная, – продолжала Ольга издевательским голосом, – нечего по сторонам оглядываться, никто на тебя не посмотрит, кому ты нужна-то, старая кошелка...

И тут моему терпению пришел конец.

– Это я-то шалава? – сказала я, сдерживаясь из последних сил, чтобы не заорать во весь голос. – Ты ничего не перепутала? Это я, стало быть, шлюха? А ты кто – белая и пушистая? Откуда ты только свалилась на нашу голову? Из какой задницы? Думаешь, сумела влезть в постель к женатому мужику – так все сразу и устроишься? На это, милая, ума большого не надо...

Она смотрела на меня в упор с таким презрением, что остатки здравого смысла улетучились из моей головы со скоростью ветра.

– Нечего пялиться! – Я повысила голос. – Чего ты сюда притащилась? Кто ты такая? Никто и звать никак! Замуж она хочет выйти за этого борова! – Я ткнула пальцем Володьке в лицо, так что он едва успел отстраниться. – Да забирай его со всем дерьмом, он мне и даром не нужен, счастье такое! Но дом я тебе не отдам!

– Да кто тебя спрашивать будет! – осмелился высказаться Володька. – Ты там уже пять месяцев не живешь!

– Ты на себя-то посмотри! У тебя денег нет не то что на адвоката – зад прикрыть, и то нечем! – издевательски захохотала Ольга. – Это же надо в таком виде по улицам ходить!

– Заткнись! – Теперь я уже орала в полный голос. – Прикуси язычок свой змеиный, пока я его не оторвала!

Не помня себя от злости, я вскочила и толкнула стол в сторону.

– Ой! – Она схватилась за то место, где у нормальных людей находится сердце, у этой гадюки сердца, думаю, вообще не было.

– Ты что себе позволяешь? – возмутился Володька.

– А что будет? – настал мой черед издеваться. – Ребеночка она выкинет? Угу, сразу двух! Помнится, шел разговор о беременности, и куда все делось? Само рассосалось? Тебя, идиота, развели как последнего лоха, а ты и доволен!

– Не твоё дело! – огрызнулся он. – Все равно я с тобой жить не буду! Хватит, намучился!

Он намучился! Столько лет я за ним ухаживала, еду ему под нос подставляла, ни в чем не перечила, только что сопلي не вытирала, а этот подлец, оказывается, так мучился, что даже любовницу завел. От тоски, наверное...

– Шлюха! – шипела Ольга, как гремучая змея. – Идиотка! Уродина! Сдохнешь под забором!

– Это мы еще посмотрим, кто из нас первый сдохнет и где! – громко сказала я. – Я жизнь положу, но тебя из моего дома выживу! Устроили себе, понимаешь, любовное гнездышко за чужой счет! Я тебя уничтожу! По стенке размажу! В капусту нашинкую!

Помню, я все тянула руки через стол, пытаясь вцепиться этой стерве в волосы, а она отмахивалась и закрывала лицо руками. Наконец Володька исхитрился и сумел обхватить меня сзади руками поперек туловища. Я лягнула его ногой по коленке, но получилось слабо. Тогда я укусила его в плечо – чуть зубы не сломала, однако он чертыхнулся и выпустил меня.

Напоследок я схватила чашку с кофе и плеснула его на Ольгу. Жаль, что заказала такую маленькую порцию, кофе испортил только шарф от «Гермеса»!

Официант пытался перехватить меня в гардеробе, но я сунула ему деньги, пожелав на прощание, чтобы он всю жизнь питался такими пирожными, как принес мне.

Бонни! – подумала я, оказавшись на улице. Как жаль, что со мной не было Бонни! Впрочем, может, это и к лучшему, еще объявили бы собаку бешеной. С них станется! Бонни – свет моих очей, мой лучший и единственный друг, только рядом с ним я найду успокоение и смогу пережить сегодняшнюю обиду.

Мои воспоминания были прерваны грубым голосом дяди Паши. Подойдя к дверям «обезьянника», он загремел ключами и громко сказал:

– Селезнева, на выход!

– На выход? – встрепелась я. – Меня что – отпускают? Слава богу, справедливость восторжествовала!

– Размечталась! – подала голос Ксана из своего угла. – Чтобы отсюда просто так выпустили...

Мама Роза, бормотавшая что-то себе под нос, подняла веки и посмотрела на меня блестящими черными глазами. В сердце шевельнулась тревога.

– Никто тебя не отпускает, – оборвал дискуссию дядя Паша. – На очную ставку тебя вызывают, со свидетелем...

– Иди, красавица! – сказала цыганка низким звучным голосом. – Ничего не бойся, все у тебя хорошо будет, уж Мама Роза знает!

– Разговорчики! – буркнул дядя Паша и привел меня в тот же самый кабинет.

Следователь Кудеярова все так же несла трудовую вахту за своим столом, а перед ней, по другую сторону, сидел мой бывший муж Владимир Селезнев. То есть по закону он и теперь мой муж, но на самом деле... В общем, все понятно.

Этот тип сидел спиной к двери и не сразу меня увидел или нарочно сделал вид, что меня не замечает. Вот что они все здесь выпендриваются, хотела бы я знать?

Кудеярова подняла на него глаза и проскрипела, как несмазанная телега:

– Свидетель, узнаете ли вы эту гражданку?

– Я? Что? Кого? – Володька завертелся на стуле, как уж на сковородке, и наконец повернулся ко мне. Тут его лицо покрылось красными пятнами, он вжался в спинку стула, как будто увидел привидение, и проблеял, как кастрированный баран:

– Нет... да... то есть, конечно, узнаю...

Я смотрела на него и снова удивлялась: что я прежде в нем находила? Жалкий, трусливый, беспомощный тип... рыхлый, неопрятный... а ведь я буквально млела от его вида, от его голоса! Мне все в нем нравилось, даже три жалких волосинки над верхней губой...

– Так все же узнаете или не узнаете? – неприязненно процедила Кудеярова.

– Да... узнаю... – наконец выдавил из себя этот мозгляк. – Это моя бывшая жена Василиса...

– Никакая не бывшая, – мстительно поправила я. – Мы с тобой, дорогой, все еще находимся в законном браке! И можешь не рассчитывать на развод!

– Садитесь, Селезнева! – Елизавета Петровна указала мне на свободный стул. Я села и оказалась совсем рядом со своим замечательным муженьком. Он опасливо отодвинулся вместе со стулом и еще сильнее вжался в его спинку, как будто я – ядовитая змея или дикая тигрица, вырвавшаяся из клетки.

– Итак, свидетель, подтверждаете ли вы, что присутствующая здесь гражданка Селезнева третьего октября сего года в ресторане «Семь слонов» ссорилась с потерпевшей Кочетовой и угрожала ее убить?

– По... подтверждаю! – пропищал этот подонок и снова завертелся на стуле. – И не только я! Это все слышали!

И голос откуда-то такой противный взялся. Раньше у муженька был вальяжный баритон, и этим самым звучным баритоном он беседовал с клиентами своей фирмы – неторопливо, весомо, убедительно. Солидный такой господин, голос доверие вызывает... Теперь же это был какой-то хриплый полузадушенный писк – не то петуху шею сворачивают, не то поросенка режут. И где только были мои глаза шесть лет назад?

– Разговор сейчас не обо всех, а именно о вас! – оборвала Володьку Кудеярова.

– Я подтверждаю! – выпалил он снова, и голос его окреп, он поднял глаза и уставился на меня. – Я знаю, ты всегда ненавидела Ольгу! Ты и меня ненавидела! Я был нужен тебе только как добытчик! Как источник средств! Нужен был постольку, поскольку зарабатывал на твою безбедную, праздную жизнь!

– Праздную? – Я даже поперхнулась от такой наглости. – Да я как вол вкалывала на этом участке!

– Тебе были дороги только твои цветы! – перебил он меня истеричным, визгливым голосом. – Ты проводила с ними гораздо больше времени, чем с мужем!

– Потому что мужа вечно не было дома, и мне ничего не оставалось, как вылизывать твой дом! И твою обожаемую мачеху я обихаживала как могла! Кстати, вы с Ольгой ее тоже выкинули на улицу, как только от меня отделались!

– Я знаю, почему ты так ненавидела Ольгу! Ведь она носила моего ребенка...

Тут мне стало просто смешно. Этот идиот уже забыл, что с ребенком его просто-напросто развели, и всерьез верил в свое несостоявшееся отцовство. Как ни странно, я на какую-то долю секунды даже посочувствовала Володьке. Ведь он никогда сам не участвовал в настоящем скандале, он всегда так устраивался, что за него скандалили женщины – раньше мачеха, потом Ольга...

– Достаточно! – Кудеярова повысила голос, обрывая нашу милую перебранку. – Мне все ясно. У вас, гражданка Селезнева, несомненно, был серьезный мотив: личная неприязнь к потерпевшей. Кроме того, мы произвели дактилоскопическую экспертизу и установили, что ваши отпечатки пальцев совпадают с отпечатками, найденными на орудии убийства...

– Да я же русским языком вам говорила, что это моя тяпка! Еще бы на ней не было моих отпечатков! Ведь только я ею и пользовалась, больше никто!

Я представила, в каком запущенном виде сейчас, должно быть, находится сад, и расстроилась. Но ненадолго, потому что осознала, где я нахожусь. Меня в убийстве подозревают, а я из-за цветочков переживаю! Совсем крыша поехала!

– Я не давала вам слова! – злобно рявкнула Кудеярова. – Я пока не закончила! Помолчите наконец! И вы, потерпевший Селезнев, тоже!

Ах вот как, Володечка, оказывается, еще и потерпевший! Его еще и сотрудники небось жалеют! Особенно которые женского пола! Как же, потерял любимую женщину! А на самом деле – так ли уж он расстроен? Уж я-то за столько лет совместной жизни отлично изучила своего муженька и ясно вижу, что горем тут и не пахнет. Ну, испуган, конечно, в шоке от того, в каком неприглядном виде нашли его любовницу, очень не нравятся ему милицейские разбирательства, допросы, очные ставки, но в конечном итоге все закончится и заживет мой бывший преотличненько! Жену-злодейку посадят на долгий срок, дом перейдет полностью к нему, да еще знакомые дамы будут жалеть и всячески привечать одинокого мужчину. Еще бы – такое ужасное горе!

Кудеярова, убедившись, что я послушно молчу, заговорила более спокойным голосом:

– Вот видите, что у нас получается, Василиса... Антоновна. – Она посмотрела в свои листочки. – Вы в данный момент нигде не работаете и без определенного места жительства.

– Да это же... – вскинулась было я, но следователь остановила меня движением руки.

– Далее, – продолжала она, – не только ваш муж, но и другие беспристрастные свидетели слышали, как при ссоре в ресторане вы угрожали нашинковать вашу соперницу в капусту, так ведь?

Я недоуменно посмотрела на Володьку – неужели я такое говорила? До чего же они меня довели! И встретила ответный взгляд, полный злорадства и ненависти. Да что же это, за что он меня так?!

– Что обещали – то и сделали! – выкрикнула Кудеярова и бросила мне через стол несколько снимков. – Полюбуйтесь на дело рук своих!

Это был полный кошмар. На фотографиях я увидела даже не тело, а какие-то кровавые лохмотья. Лица вообще не было – сплошное месиво. Меня передернуло.

– Не нравится? – вкрадчиво и даже как-то добродушно спросила Кудеярова.

Ее любезность была сродни любезности удава, который перед обедом решил побеседовать с кроликом о погоде и о ценах на капусту. И улыбка напоминала оскал акулы перед тем, как она перекусит зазевавшегося аквалангиста.

– Это ужасно! – честно ответила я.

– Согласна с вами. – Она наклонила голову, и я невольно заметила, что волосы ее темнее у корней. Стало быть, эта ледяная рыба – вовсе не натуральная блондинка. Она красит волосы, как Мэрилин Монро. Ни миг мне не легчало, как будто я уличила следователя Кудеярову в чем-то неприличном. Но в следующую секунду меня опять опрокинуло в шок, потому что поддельная блондинка отбросила свой любезный тон и заговорила обычным скрипучим голосом:

– Были ли вы в загородном доме гражданина Селезнева после того, как расстались с ним несколько месяцев назад?

– Нет, конечно! – уверенно ответила я. – Что мне там делать? Кстати, это вовсе не его дом, я имею на него столько же прав...

– Мы сейчас говорим не о ваших правах на дом! – Она поморщилась, затем выдвинула ящик своего стола и что-то достала из него. – Вам знаком вот этот предмет?

Я перегнулась через стол и уставилась на маленькую вещицу, которую Кудеярова положила перед собой.

Это был небольшой металлический брелок с выгравированной на нем собачьей головой и именем «Бонни».

Предмет был мне очень хорошо знаком – брелок от поводка, на котором я ежедневно выгуливаю Бонни. Несколько дней назад на прогулке этот брелок оторвался, я подобрала его, сунула в сумку, чтобы позднее приделать на место, да так и забыла.

– Откуда он у вас? – удивленно спросила я.

– Вопросы здесь задаю я! – отрезала Елизавета Петровна, и в глазах у нее загорелось торжество. – Значит, гражданка Селезнева, вам знаком этот предмет?

– Зна... знаком! – ответила я, заикаясь. – Это брелок от поводка... он оторвался, лежал в моей сумке... А где...

– Вы хотите узнать, где мы его нашли? – спросила она вкрадчиво и тут же ответила, не скрывая торжества: – Мы нашли его на месте преступления! В загородном доме вашего мужа, рядом с телом потерпевшей гражданки Кочетовой!

Тут у меня в глазах потемнело, как будто внезапно наступили глухие осенние сумерки.

Если скандал в ресторане, голословные обвинения мужа и даже отпечатки моих пальцев на злополучной тяпке ничего не доказывают – то брелок... Но как, черт возьми, он мог там оказаться?

– Вы только что сказали, что не были в загородном доме после того, как расстались с мужем, – продолжала Кудеярова, словно заколачивая гвозди в мой гроб. – Тогда как вы объясните появление там этого предмета? Ведь до ссоры с мужем у вас не было собаки! Кажется, вы говорили, что вашу собаку зовут Бонни? Это, если я не ошибаюсь, бордоский дог? – И она

установилась на меня ледяными глазами, и мне показалось, что температура в комнате понизилась градусов на десять. – Может быть, не стоит дальше испытывать мое терпение и тратить драгоценное время? – проскрежетала она, как танковая гусеница на морозе. – Может, сознаетесь? Еще не поздно сделать чистосердечное признание и смягчить этим свою участь...

– Мне не в чем признаваться... – пробормотала я едва слышно.

На самом деле я уже ни в чем не была уверена.

Как брелок мог попасть на место убийства? Ведь я действительно не была в нашем доме с той самой ночи, когда сбежала после жуткого скандала...

Но тогда как это объяснить?

И еще одно. Увидев брелок, я вспомнила Бонни. Бедный пес остался один на улице, за ним некому присматривать... неужели он попадет в стаю бездомных собак, слоняющихся по пустырям и помойкам? Или – того хуже – его отловят во время очередной облавы...

– Не хотите облегчить свою совесть? – с явным сожалением протянула Кудеярова. – Ну что ж, придется снова отправить вас в камеру. Подумайте хорошенько, может, поумнеете...

И она нажала кнопку, вызывая дежурного милиционера. Напоследок мы обменялись взглядами с бывшим муженьком – он смотрел теперь с удовлетворением: досадные неприятности в виде хождения по очным ставкам и допросам для него закончились, можно отдохнуть. Еще путевочку, пожалуй, возьмет в теплые края, чтобы здоровье поправить и стресс снять!

«Упекут, – в полной панике думала я, – упекут меня на зону как пить дать. Срок дадут немалый, уж эта стерва постарается... Неужели все кончено?»

В кабинет вошел все тот же дядя Паша.

Я встала со стула, привычно заложила руки за спину и вышла в коридор.

Мы шли в уже знакомом направлении, к «обезьяннику».

Я мучительно думала о своем положении.

Оно было ужасным: Кудеярова нисколько не сомневается в моей виновности, и у нее достаточно улик, чтобы передать дело в суд. Ссора с Ольгой, орудие убийства с моими отпечатками, а самое главное – брелок от собачьего поводка.

Я никак не могла объяснить, как он мог попасть на место убийства.

Если только...

У меня шевельнулась смутная мысль, но додумать ее до конца я не успела, этому помешали объективные причины.

Мы прошли уже половину пути, как вдруг перед нами возникло неожиданное препятствие: справа по коридору в открытую дверь рослые грузчики вносили огромные картонные ящики. За ними присматривал молодой плечистый милиционер с детским веснушчатым лицом.

– Чего это таскают, Ласточкин? – поинтересовался мой конвоир, приостановившись перед дверью.

– Да это, дядя Паша, компьютеры новые привезли, – охотно ответил веснушчатый парень, поправив воротничок. – Будут, как его... информационный центр устраивать...

– Лучше бы премию выписали личному составу! – вздохнул дядя Паша. – Эй, ты чего! Держи, упадет!

Один из грузчиков споткнулся на пороге, и ящик, который он тащил на хребте, угрожающе накренился. Дядя Паша бросился его поддерживать, Ласточкин подскочил с другой стороны...

Я выглянула в открытую дверь.

Она выходила на зады отделения милиции, за ней виднелись большой двор, несколько гаражей, детская площадка, окруженная побуревшими кустами... Одним словом, свобода!

На меня никто не смотрел, оба милиционера занимались коробкой с компьютером, которая все еще угрожающе балансировала на спине грузчика, и я бочком проскользнула в дверь,

несколько шагов прошла медленно, чтобы не привлекать к себе внимания, а потом припустила со всех ног и юркнула за кирпичный гараж. Через несколько секунд за моей спиной раздались свистки, крики и топот, но я бежала так быстро, как могла, сворачивая в какие-то подворотни и закоулки.

Скоро звуки погони стихли, я перешла на шаг и отдышалась.

Весь Васильевский остров пронизан сетью проходных дворов, как дерево, источенное древоточцами. Всех этих дворов досконально никто не знает, даже местные старожилы, а человеку неопытному заплутать в них ничего не стоит. Я шла по очередному двору, совершенно не представляя, куда завели меня ноги.

Впереди возле покосившегося сарая сгрудилась группа подростков. Они оживленно обсуждали чей-то новый мотоцикл. Рядом с ними на растресканном асфальте стоял магнитофон, из которого несся оглушительный рэп.

Такие подростки в наши дни бывают столь же опасны, как стаи бродячих собак, и я попыталась осторожно их обойти, не привлекая внимания.

Однако не тут-то было!

Один из них, судя по всему – неформальный лидер, заметил меня и шагнул навстречу, широко раскинув руки и гаденько ухмыляясь, демонстрируя при этом отсутствие передних зубов:

– Какие люди к нам пожаловали – и без охраны!

Это был долговязый белобрысый мальчишка лет пятнадцати, с лицом, усеянным подростковыми прыщами, с огромным синяком под глазом и ломающимся юношеским баском. В его лице было опасное соединение трусости и наглости, он чувствовал за собой силу своей стаи и поэтому был особенно самоуверен.

– А ну, отойди с дороги! – прикрикнула я на него и решительно двинулась вперед.

– Этот двор – мой! – процедил наглый мальчишка и сплюнул мне под ноги. – Проход здесь платный. Плати – тогда пропущу!

– Отвали! Не до тебя мне! – Я сделала еще одну попытку миновать маленького паршивца, но он заступил мне дорогу.

Краем глаза я заметила, что остальные подростки бросили мотоцикл и с интересом наблюдают за нашей стычкой. Кроме них, во дворе не было ни одной живой души, так что рассчитывать я могла только на собственные силы.

– Не поняла? – Он уставился на меня исподлобья, и в его взгляде блеснуло что-то такое, отчего я всерьез испугалась. – Не поняла? Я могу повторить. Проход здесь платный, а для таких непонятливых, как ты, цена поднимается.

– И сколько же ты берешь за проход? – спросила я, пытаясь свести все к шутке и не показать ему свой страх. Вот еще навязались на мою голову! Опять же время дорого.

Щенки сбились в стаю. А ведь известно, когда имеешь дело со стаей бездомных собак, самое главное – не показать им, что ты их боишься. Почувствовав твой испуг, они непременно набросятся всем коллективом...

– Все деньги, какие у тебя есть, – процедил подросток.

– А у меня нет денег! – И я демонстративно вывернула карманы джинсов. Действительно, все мои деньги, так же как ключи от квартиры и мобильный телефон, остались в милиции. – Так что облом у тебя вышел!

– Что ж это ты, тля, из дома без денег выходишь? – пожурил он меня. – Ну, раз денег нет, тогда ты меня поцелуешь! – Он ухмыльнулся. – И меня, и всех пацанов по очереди!

Я видела, что ему хочется покуражиться перед своими приятелями, так просто он меня не отпустит, но и поддаваться не собиралась.

– Размечтался! – огрызнулась я. – Сопли сперва подотри!

Он машинально потянулся к своему носу, но на половине движения остановился и перекосился от злости:

– Не хочешь по-хорошему, тля? Не хочешь – будет по-плохому! А ну, пацаны, ломай ее!

Я метнулась к подворотне, через которую несколько минут назад попала в этот злополучный двор, но откуда-то сбоку мне под ноги выкатился маленький сопливый мальчишка и вцепился в ногу, дико визжа:

– Стой! Стой, говорю! Эй, пацаны, скорее, я ее держу! Скорее, Гравицапа!

Я попыталась сбросить негодника, но он вцепился в меня мертвой хваткой и висел на ноге пудовой гирей.

Сзади уже приближался топот и пыхтение всей ватаги.

Я похолодела от ужаса. Казалось, еще секунда – и вся толпа навалится на меня...

И вдруг до меня донеслись испуганные возгласы, а затем – тяжелый топот и басовое гудение, напоминающее рев мощного мотоциклетного мотора или заходящий на посадку самолет.

Висящий на моей ноге недомерок отцепился и пустился наутек, в ужасе оглядываясь на что-то у меня за спиной. Я тоже невольно обернулась... и увидела, что ватага, которая только что преследовала меня, разбегается в разные стороны, а ко мне несется что-то огромное, светло-песочное, грозно рычащее...

– Бонни! – воскликнула я в восторге. – Бонни, дорогой, как же вовремя ты подоспел! Ой, только не это...

Мое предупреждение несколько запоздало: Бонни с разбега кинулся мне на грудь, я, само собой, не выдержала такого мощного удара, не устояла на ногах и повалилась на землю. Бонни склонился надо мной с самым виноватым видом и моментально облизал мое лицо шершавым языком.

– Бонни, Бонни! – растроганно повторяла я. – Я тоже очень тебя люблю... очень!

Наконец мне удалось подняться на ноги, отряхнуться и хоть немного привести себя в порядок. Бонни вертелся вокруг меня и радостно вилял хвостом.

Мы двинулись вперед. Теперь я никого не боялась: ни подростковых банд, ни бомжей, ни бездомных собак. Бонни кому угодно мог внушить уважение.

Однако радость по поводу благополучного избавления от непосредственной опасности была недолгой. Очень скоро я поняла, что идти нам, собственно, некуда.

Возвращаться домой нельзя.

Во-первых, у меня нет ключей, но это не главное. Даже если я смогу проникнуть в свою квартиру (точнее, в квартиру Ивана), там меня наверняка уже поджидает милиция.

А в милицию мне попадать никак нельзя: суровая Кудеярова выбрала меня в главные подозреваемые, больше того, она просто не сомневается, что я и есть убийца, и постарается убедить в этом всех остальных.

Собственно, это не составит особого труда: против меня – все улики, против меня – свидетельские показания, и в первую очередь показания моего замечательного мужа...

Подумав про него, я еще больше расстроилась.

Какой он все-таки негодяй! Жалкий, трусливый негодяй, всю жизнь загибающий жар чужими руками и выходящий сухим из воды! И как я умудрилась не заметить этого, прожив рядом с ним целых шесть лет! Вот уж верно говорят – любовь зла!

Кроме того, надо честно признать себе – я так увлеклась своим садом, что почти не замечала мужа...

Ну ладно – муж, с ним все ясно. Но ведь против меня не только его показания, против меня очень серьезные улики...

Я вспомнила брелок с именем Бонни, найденный на месте преступления, и окончательно растерялась.

Как он мог туда попасть? Ведь я действительно несколько месяцев не была в том доме... но доказать это Кудеяровой будет невозможно. Потому что она уже решила для себя, что я и есть убийца...

И тут я поняла одну очень важную вещь.

Если я сумею догадаться, кто подбросил в загородный дом брелок от поводка, – я тем самым узнаю, кто убил Ольгу.

Собственно, это меня интересует только по одной причине: только так я смогу снять обвинения с себя самой.

Бонни как будто читал мои мысли, а может, я в задумчивости произнесла последние слова вслух. Потому что дог вдруг остановился, поднял лобастую голову и посмотрел мне в глаза.

Бонни умеет смотреть очень разнообразно и красноречиво. Например, когда он хочет выпросить кусок ветчины или котлету, он смотрит умильно, масляными преданными глазками, да еще тихонько облизывается. Завидев вдали знакомую привлекательную собачку женского пола, Бонни смотрит на меня оживленно, нетерпеливо переступает лапами, как будто хочет сказать: «Не тни время, видишь, у меня важное дело, скорей отцепляй поводок!»

Если же Бонни кажется, что меня кто-то хочет обидеть, он смотрит вопросительно, как будто спрашивает, загрызть этого негодяя прямо сейчас или подождать?

Бонни с моим муженьком никогда не встречался, может, это и к лучшему, потому что в случае свидания, боюсь, пес меня и спрашивать бы не стал, сразу на Володечку набросился.

Сейчас Бонни смотрел на меня очень серьезно.

«Хватит толочь воду в ступе! – говорил его взгляд. – Возьми себя в руки наконец и погляди фактам в лицо! Ты не была в том доме, уж я-то это точно знаю. И я тоже не был. Я тебя очень люблю, но ты ужасная растеряха и вечно все забываешь. Брелок ты зачем-то носила в сумке, с ним и в ресторан поперлась, хотя я тебя предупреждал, что не стоит этого делать. Или взяла бы меня с собой, уж я-то показал бы той сладкой парочке, где раки зимуют!»

Что верно, то верно, Бонни тогда очень не хотел отпускать меня в ресторан. Но я подумала, что это его обычные капризы, он вообще не любит оставаться один, и мы всюду ходим вместе – в магазины, на рынок, за квартиру заплатить и так далее.

– Что значит – я растеряха? – обиделась я. – А ты, выходит, у нас совестливый и памятливым, да еще обожаешь порядок? Да если хочешь знать, я тот брелок нарочно в сумку спрятала, чтобы ты его куда-нибудь не закатил!

Бонни посчитал мои слова провокацией и никак не отреагировал, а я продолжала думать.

К стыду своему признаюсь, что сумка у меня одна – я с ней сбежала из дома, с ней всюду и хожу: «и в церковь, и в баню, и в пир, и в мир», как говорила, помнится, бабушка. А впрочем, чего тут стыдиться? Ведь все мои вещи остались у бывшего мужа, в том числе и все сумки. И кто мог, выражаясь языком следователя Кудеяровой, иметь доступ к моей сумке в том ресторане, провались он вместе со своими слонами? Правильно, бывший муж и Ольга. Тогда во время ссоры я за сумкой не следила, кому надо, мог открыть ее и выкрасть брелок. Стало быть, все сходится на Володечке, он убил свою любовницу и подбросил брелок, чтобы свалить все на меня. Алиби можно заранее сфабриковать, уж интриговать-то он умеет, как никто другой. И персонал подбирать тоже – все сотрудники дамского пола отчего-то ему очень преданы. Иначе как объяснить, что ни одна из них в свое время не удосужилась снять трубку и по телефону быстренько известить меня о его любовных похождениях?

Остается последний вопрос: зачем? Вот именно, за каким чертом он это сделал? Чтобы получить дом в свое полное распоряжение? Тогда гораздо проще было бы ему убить меня – подстроить несчастный случай или оформить все как самоубийство. Алиби себе заранее обеспечить – и все, дело в шляпе, никто особо копать не станет, поскольку у меня нет влиятельных и вездельных родственников, некому будет милицию пинать.

И еще, как я ни зла на своего бывшего, все же не поверю, что он мог так изувечить близкую женщину тяткой. Он про меня поверил, а я вот про него не могу. Тут нужны такие качества, которых у Володечки сроду не было. Ну, может, и к лучшему.

Однако вопрос о том, кто упер брелок из моей сумки, остается открытым. Вертелся там еще официант, но он вообще меня первый раз видел, ему-то зачем это надо? Из любви к искусству? Это маловероятно...

За этими безрадостными размышлениями мы с Бонни неторопливо брели по бесконечным дворам, переходя из одного в другой, и в конце концов зашли в тупик.

Это был еще один квадратный двор, заросший пожелтевшей травой. В него выходило своими задними стенами несколько домов позапрошлого века, и в одном из них был самый настоящий каретный сарай с огромными деревянными воротами.

То есть, конечно, каретный сарай здесь был лет сто назад, кто-то из местных жителей держал в нем свой экипаж – пролетку или ландо, а теперь, как нетрудно догадаться, сарай превратили в обыкновенный гараж.

Ворота были распахнуты, и в гараже пожилой дядечка возился со своим стареньким «жигуленком».

Я оглядела двор и поняла, что другого выхода из него нет, так что придется возвращаться прежней дорогой.

Развернувшись и прихватив Бонни за ошейник (а то еще побежит знакомиться с пожилым автолюбителем и напугает его до инфаркта), я зашла под арку, соединявшую этот двор с предыдущим, как вдруг оттуда донеслись приближающиеся шаги и голоса:

– Ну вот, последний двор проверим и пойдем назад. Выходит, упустили ее...

– Ну, Кудеярова нам устроит! Живьем шкуру сдерет!..

– Это точно...

Я с ужасом узнала голос милиционера дяди Паши, от которого совсем недавно сбежала. А упоминание о Кудеяровой лишило меня последней надежды.

Что делать? Сейчас милиционеры войдут под арку и столкнутся со мной нос к носу...

Конечно, можно отпустить Бонни... он на ментов как следует гавкнет, и я смогу проскочить мимо них и вырваться на свободу...

Но, во-первых, я совсем не хочу, чтобы ко всем моим неприятностям прибавилось нападение на милицию. А во-вторых, насколько я помню, на боку у дяди Паши болталась кобура с пистолетом. Кто его знает – вдруг он с перепугу пальнет в Бонни? Я не могу рисковать жизнью и здоровьем собаки!

Времени на раздумья не оставалось, и я трусливо шмыгнула обратно в тупиковый двор и остановилась в растерянности перед каретным сараем.

Дядечка, который возился с машиной, распрямился, потирая поясницу, и удивленно взглянул на нас с Бонни.

То есть, разумеется, сначала на Бонни, а уж потом на меня. Все-таки у бордоского дога очень впечатляющая внешность, я привыкла находиться в его тени.

– Дяденька, спрячьте нас! – выпалила я совершенно по-детски, умоляюще глядя на автолюбителя. – За нами гонятся!

– Гонятся? – переспросил он с каким-то странным выражением и снова уставился на Бонни. – Хорошая собачка! Ну, ладно, давайте сюда! – Он вошел в свой каретник, откинул огромный лист ржавого железа, прислоненный к стене, и указал мне на небольшую дверку.

Раздумывать было некогда. Я дернула дверь, подтолкнула вперед Бонни. Пес неуверенно потоптался на пороге, тихонько заскулил (прежде я никогда не слышала от него такого звука), но я навалилась на него всем телом, возникло чувство, что толкаю забуксовавший автомобиль, и наконец Бонни протиснулся в темный чулан. Я последовала за ним, хозяин гаража закрыл за нами дверь и, судя по звуку, снова прикрыл ее железным листом.

Глаза мои постепенно привыкли к темноте. Тем более что темень была не совсем полная, кое-какой свет пробивался сквозь многочисленные щели бывшего каретного сарая.

Мы с Бонни находились в чулане, заваленном какими-то деталями, досками, ржавыми железками и прочим мусором, который многие мужчины стаскивают в свои гаражи – вроде и не нужно, и выбросить жалко.

Впрочем, попадались и кое-какие вещи, явно оставшиеся еще с тех времен, когда здесь держали кареты: к задней стене чулана была прислонена резная деревянная дуга от конской упряжи, там же валялись предметы, явно относящиеся к сбору. Названий этих предметов я не знала и видела их только в фильмах из дореволюционной жизни.

Впрочем, ничего страшного, пересидеть тут несколько минут можно. Единственное, что меня смущало, – это странное поведение Бонни. Он все еще поскуливал и опасливо ко мне жался.

Прежде за ним такого не наблюдалось, наоборот, он смело лез навстречу любым приключениям и давал мне понять, что с ним я могу ничего и никого не бояться.

– Бонни, да что с тобой такое! – попыталась я пристыдить пса. – Чего ты испугался? Темноты, что ли? Ну, прекрати – в конце концов, ты уже не маленький щенок, которому простительны такие страхи! Возьми себя в руки!

Он очень смутился, отвел взгляд... но тут же снова опасливо покосился в дальний угол чулана. Я хотела было взглянуть туда, чтобы разобраться, что его так пугает, но в это время из-за двери донеслись голоса, и мне стало не до страхов Бонни: я беспокоилась только о том, чтобы он не выдал нас своим поскуливанием, и поэтому прижала к себе его слюнявую морду.

– Здоров, Макарыч! Как дела? – донесся до меня голос, который я мгновенно узнала: это был дядя Паша.

– Да неважные у меня дела, Павлик, – отозвался с тяжелым вздохом владелец каретного сарая. – Карбюратор барахлит, чтоб его, и искра на полпути куда-то девается!

– Да чего ты с такой рухлядью возишься? Выкинь ты этот ржавый пылесос и купи нормальную машину! На тебя смотреть жалость берет, когда ты на своей тарыхтелке едешь! Вот я купил себе «Опель», хоть и подержанный, и горя не знаю...

– Ты, Павлик, в корне глубоко не прав! Если мою ласточку до ума довести, она хоть твой «Опель», хоть какую хочешь иномарку на дороге сделает! У нее движок классный, это только с виду она хлипкая. Вот на что хочешь поспорим – если ей свечи поменять да карбюратор починить, я отсюда до Горелова быстрее доеду, чем ты на своем «Опеле»! – В голосе моего спасителя слышалась неподдельная обида.

– Ладно, это мы с тобой потом обсудим. Ты мне, Макарыч, вот что лучше скажи: не видал тут девицу – лет тридцати, в джинсах да курточке, волосы темно-русые, сама такая... неказистая?

«Как это – тридцати? – возмутилась я. – Да мне всего двадцать восемь! А насчет неказистости – так на себя бы посмотрел, мент плюгавый! Тоже мне красавец писанный!»

– Мне, Павлик, не по возрасту на девиц пялиться! – хохотнул автолюбитель. – У меня теперь другие интересы – карбюратор, акселератор, коробка передач... А ежели серьезно – ты же сам видишь, здесь тупик! Тут, кроме меня, ни одной живой души не имеется, за целый день словом перемолвиться не с кем! От скуки уже скоро с кошками да с голубями разговаривать буду. Вот ты зашел, и мне развлечение... а ты говоришь – девица!

– Ну, ладно. Не видал так не видал. Пойду дальше искать, а то мне Кудеева за нее голову оторвет.

– Кудеева? Эта может!

Я внимательно прислушивалась к разговору, но меня вдруг отвлекло странное поведение Бонни. Он по-прежнему подозрительно пялился в дальний угол сарая, но теперь еще и задрожал крупной дрожью. Трясущийся от страха бордоский дог – это зрелище не для слабо-

нервных. Я взглянула в том же направлении и увидела выбравшуюся из дыры в полу крупную упитанную крысу с несколькими седыми волосками на морде. Крыса совершенно равнодушно взглянула на нас с Бонни и как ни в чем не бывало вышла на середину чулана.

Бонни затрясся еще сильнее, и я заподозрила, что он сейчас грохнется в обморок.

Надо сказать, что я тоже не выношу крыс. А кто их, спрашивается, любит? Но я их просто боюсь и не люблю, так же как тараканов или, допустим, пауков. Никакого мистического, леденящего ужаса я перед ними не испытываю. А вот у Бонни, кажется, к ним довольно сложное отношение...

Я испугалась, что он сейчас взвост от ужаса и выдаст наше укрытие. Поэтому еще крепче прижала его к себе и ласково зашептала:

– Ну пожалуйста, успокойся, миленький! Потерпи немножко! Я с тобой, я тебя не дам в обиду противной крысе! И вообще, она сейчас уйдет...

Но крыса вовсе не собиралась уходить. Она села на задние лапы, а передними принялась расправлять свои усы, с презрением поглядывая на нас с Бонни. Она явно хотела показать нам, что это ее территория, она здесь хозяйка, а нас терпит только временно, по доброте душевной...

Я говорю о ней в женском роде, хотя мне что-то подсказывало: это – крыса-мужчина, если можно так выразиться, или крыс. Что-то мужское было во взгляде маленьких пронзительных глаз...

Приведя в порядок усы, крыс снова встал на все четыре лапы и двинулся в нашу сторону. Наверное, у него при этом не было никаких агрессивных намерений, просто нашлись дела в нашем конце чулана. Но даже мне стало не по себе, когда серый разбойник приблизился к моим ногам, а Бонни задрал морду и завыл бы во весь голос, если бы я не сжала ему пасть и не дернула за ухо...

Я поняла, что нужно что-то делать, чтобы избежать неприятностей. Под рукой оказался только какой-то предмет из потертой кожи – явно деталь конской сбруи, мне почему-то пришло в голову слово «недоуздок». Короче, я схватила этот недоуздок и запустила им в грызуна.

Крыс был скорее удивлен, чем испуган, однако планы его внезапно изменились, и он юркнул в щель между половицами. Бонни облегченно вздохнул и посмотрел на меня с явной благодарностью.

Зато дядя Паша услышал шум и осведомился:

– Макарыч, а что это там у тебя упало? Там что – кто-то есть?

– Он небось бабу прячет, любовницу! – высказал предположение второй милиционер, спутник дяди Паши.

– Да какую бабу! – смутился хозяин гаража. – Мне это баловство не по возрасту. Крысы развелись, проклятые! Никакого с ними сладу! Уж я и отраву рассыпал, и ловушки на них ставил самые хитрые – ничего не помогает! Отраву не едят, из ловушки приманку как-то достают, а сами не попадаются!

– Ну, надо же! – Дядя Паша опять хохотнул. – Ты смотри, Макарыч, с крысами шутить нельзя! Может, это они в твоём драндулете чего-нибудь перегрызли?

– Очень даже запросто! – вздохнул хозяин гаража.

– Ну, ладно... – Голос дяди Паши погрузнел. – Некогда нам с тобой лясы точить... видать, не найдем уже девчонку... упустили! Придется ни с чем в отделение возвращаться... ох, и устроит нам Кудеярова головомойку!

«Так вам и надо, – злорадно подумала я, – нечего двери распахивать. Следить нужно за задержанными, а не рот разевать...»

Голоса стихли. Прошло несколько минут, загремел лист железа, и наконец открылась дверь.

– Ну, выходите! – проворчал с порога чулана наш спаситель.

Бонни не стал ждать дополнительного приглашения: он поспешно выскочил наружу, поджав хвост. Я выбралась следом за ним.

В первый раз я не успела разглядеть бывший каретный сарай, превращенный хозяином в гараж. Там было достаточно места не для одной, а для двух или даже трех машин, но кроме старых «Жигулей» и деталей к ним не было другой техники. Зато стояли хромоногий столик, облезлый шкафчик из тех, какие раньше встречались в номерах провинциальных гостиниц, пара стульев и табуреток и даже узенькая кушетка, накрытая клетчатым байковым одеялом.

– Чего вы там так шумели-то? – осведомился хозяин гаража, оглядев меня с ног до головы. – Я уж думал, Павлик сейчас проверять ползет! Вам тихо надо было сидеть...

– Да у вас там крысы... – сказала я виновато, – а Бонни... вот он... оказывается, очень их боится!

– Крысы, говоришь? – Дядька усмехнулся. – Да это, наверное, Буденный к вам приходил...

– Кто? – Я подумала, что ослышалась.

– Буденный... я его так за усы прозвал. Авторитетный крыс, уважительный. Он ко мне часто приходит, мы с ним, можно сказать, старые друзья. Оба в возрасте, оба одинокие... Меня, кстати, Василий Макарович зовут.

– О! Как писателя Шукшина! – воскликнула я.

Василий Макарович взглянул на меня с интересом:

– Надо же, а я думал, молодежь про него и не слышала! А тебя-то как зовут?

– Смеяться не будете?

– А чего смеяться-то?

– Василисой меня зовут. Родители так удружили...

– Ну что, – он солидно кивнул, – ничего смешного не вижу. Хорошее имя, старинное... выходит, мы с тобой тезки! Ну-ка, тезка, давай рассказывай – почему за тобой милиция гоняется? Что ты такого натворила? Кудеярова Елизавета Петровна – женщина серьезная, она попусту людей гонять не станет...

– Хорошо, – я вздохнула, – я вам расскажу. Только можно сначала попросить у вас чашку чаю? А то я до того устала...

В конце концов, подумала я, этот человек меня только что спас от преследования и хотя бы поэтому имеет полное право задавать вопросы. А главное – мне и самой ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своими проблемами.

– Чаю? – переспросил Василий Макарович. – Чаю – можно. Это хорошее дело.

Он достал из неказистого шкафчика вполне современный электрический агрегат, вскипятил его и заварил в большом фарфоровом чайнике с ярко-красным петухом крепкий душистый чай. Разлив его в две кружки, одну пододвинул мне, другую взял сам, вытащил из того же шкафчика пакет сушек.

– Угощайся!

Он отпил большой глоток из своей кружки, с хрустом раскусил сушку, затем вытащил из шкафчика мятую металлическую флягу, взглянул на меня вопросительно:

– Хочешь десять грамм?

– Десять граммов чего?

– Чего-чего! – Василий Макарович усмехнулся. – Лимонаду!

– Лимонаду? – Я очень удивилась. – Я лучше чаю... лимонад я не люблю...

– Да ты что, тезка? – Он усмехнулся еще шире. – Это же только так говорится – лимонад! Спирт разбавленный в народе так называют!

– Спирт?! – переспросила я в ужасе. – Я спирт никогда в жизни... я его даже не пробовала!

– Это правильно, тезка, – Василий Макарович посерьезнел. – Его и не надо пробовать... а пить – вообще боже сохрани... но тебе сейчас десять грамм принять надо как лекарство.

– Вы считаете? – Я с сомнением взглянула на мятую флягу и вдруг решилась. – А, была не была!

Взяла у него флягу, отвинтила колпачок, поднесла горлышко к губам...

Дыхание у меня перехватило, слезы брызнули из глаз, я закашлялась и, с трудом отдышавшись, вернула флягу Василию Макаровичу.

– Лихо! – проговорил он, с уважением глядя на меня. – Вообще-то, я думал, ты в колпачок нальешь, а ты прямо из горла... лихо! А говоришь – не пробовала!..

– А чего, – я почувствовала необычайный подъем сил, мне теперь море было по колено, – я и еще могу... что там десять граммов!.. пить так пить!

– Подожди, тезка, не разгоняйся! – прервал меня хозяин. – Ты мне рассказать обещала, что у тебя за дела с Елизаветой Петровной Кудеяровой.

И я рассказала свою историю этому совершенно незнакомому человеку. Все с самого начала – с моего знакомства с Володькой и до той страшной ночи, когда меня буквально выгнали из дома... а потом – про то, как меня арестовали по обвинению в убийстве Ольги...

– Может, и стоило бы ее убить, – закончила я рассказ. – Но я этого не делала... не делала-ла... – и я разрыдалась. Раньше я читала в книжках, как герой заливается пьяными слезами. Так вот, именно это сейчас со мной и происходило – я заливалась пьяными слезами! Мне было себя ужасно жалко, и еще...

Я не успела додумать свою мысль, потому что снизу донеслось громкое басовое рычание. Опустив глаза, я увидел Бонни, который смотрел на меня крайне неодобрительно. Наверное, он очень не любит пьяных, особенно – подвыпивших женщин.

– Бонечка, дорогой мой! – Я плюхнулась на пол и потянулась к его морде. – Один ты у меня остался! Дай же я тебя поцелую, лапочка моя!

Бонни сделал попытку отодвинуться и даже слегка наморщил нос. Я снова залилась слезами. Бонни переглянулся с Василием Макаровичем, тот пожал плечами. Будь на месте Бонни человек, он сделал бы то же самое, однако пес вспомнил, надо полагать, сколько мы с ним пережили вместе и что, кроме меня, у него тоже никого нет. Он превозмог отвращение и слегка тронул меня лапой, вроде как человек по головке погладил – не дрейфь, мол, прорвемся, проживем как-нибудь, я тебя не брошу.

Опьянение понемногу отступило, я вообще-то никогда в жизни не напивалась до порочьяго визга, так что организм успешно поборол алкоголь.

Василий Макарович помог мне подняться и уложил на узкую коечку. Она тотчас заколыхалась подо мной, как будто и вправду я еду в карете или плыву в лодке по бурному морю. Я прикрыла глаза, намереваясь заснуть, но тут же перед мысленным взором предстали фотографии, что подсунула мне вредная Кудеярова, – раскромсанное тело на кровати, лица не видно, кругом кровь...

Хмель мгновенно пропал, я со стоном села и попыталась спустить ноги на пол. Это оказалось непросто сделать, потому что рядом со мной уже устроился Бонни. Он положил огромную голову на постель и пытался задремать, поэтому поглядел на меня осуждающе – мол, что тебе нейдет, все вроде наладилось, устроились в приличном месте, крыс Буденный ушел...

– Что делать? – Я зябко обняла руками колени. – Что же мне делать? – и добавила жалобно: – Василий Макарович, посоветуйте что-нибудь, а то у меня просто голова кругом идет!

– Ох, не зови ты меня так официально! – поморщился мой спаситель. – А то я, понимаешь, не то на собрании себя ощущаю, не то у начальства на приеме. Или еще покойников по имени-отчеству величают. Не люблю я этого...

– А как же вас называть?

– Да как... Мужики вон Макарычем зовут, а ты зови дядей Васей. Я ведь тебе в отцы гожусь. В папаши, конечно, не набиваюсь, а вот в дяди вполне сойду...

Я хотела сказать, что отца своего ни разу в жизни не видела и дядя Вася не самый плохой вариант для роли папаши, но решила не бить на жалость к сироте и промолчала.

– Что тебе скажу... – задумчиво начал дядя Вася, – попала ты в переplet, это ясно. Следователяша эта, Кудеярова, – ух баба въедливая! Вцепится как бультерьер, не отступит.

– Лучше бы настоящих преступников ловила, – обиженно встала я, – а то привязалась как банный лист. Что я ей плохого сделала, за что она меня так ненавидит?

– Вот в этом ты, Василиса, не права, – дядя Вася достал фляжку и налил себе еще немного в колпачок, – вовсе она тебя не ненавидит! Улики против тебя есть? Есть, да еще какие! Мотив был? Был, сама говоришь, что Ольгу эту ты сильно не любила. Ясное дело, какая женщина другой простит, что та у нее мужа увела? Кудеярова разбираться не будет, психологию разводить – это не для нее. У нее вообще чутья на людей нету... зато хватка...

Дядя Вася сказал это таким тоном, что я сразу поняла – к Елизавете Петровне Кудеяровой у него имеется свой личный счет.

– Слушайте, а вы откуда про нее все знаете? – запоздало спохватилась я, вспомнив, что с преследовавшими меня милиционерами Василий Макарыч здоровался запросто, как старый знакомый. – Или, может, вы сами мент?

– Бывший, – усмехнулся он, – теперь на заслуженной пенсии, но без малого двадцать лет в этом отделении оттрубил. А потом, как говорится, ушли меня, на заслуженный отдых с почетом проводили, телевизор подарили... панель, чтоб ее совсем.

– С чего это органы вдруг стали такими ценными кадрами разбрасываться? – Я красноречиво посмотрела на фляжку.

В самом деле, и красный нос, и потертый вид моего собеседника говорили о том, что дядя Вася не дурак выпить.

– Твоя правда, – вздохнул он, – с этим делом у меня непорядок стал, как жена померла. Но на работе я – ни-ни, себя соблюдал. Только вот начальству не понравилось, как я к делу относился. Им ведь кто нравится? Такие как эта Лизка Кудеярова – чтобы все было быстро, аккуратно и без сомнений. А на людей-то ей плевать...

– Уж это точно, – вздохнула я и совсем пригорюнилась.

Положение мое аховое, и помощи ждать неоткуда. Дядя Вася снова приложился к фляжке, но был остановлен негодующим рыком Бонни. Василий вздохнул и убрал фляжку подальше – в тот самый неказистый шкафчик.

При этом я заметила, что на верхних полках шкафчика стоят рядами миниатюрные танки, бронетранспортеры, самоходки и прочая боевая техника.

«Да этот дядя Вася – просто большой ребенок! – подумала я. – Играет в солдатики...»

– В общем, так, – решительно начал он, захлопнув дверцу, – надо тебе самой с этим делом разобраться. Сдается мне, что муженек твой если не напрямую к нему руку приложил, то каким-то боком замешан.

– Я ни в жизнь не поверю, что он...

– Точно, сам он ее не убивал, кишка тонка, да и не к чему, – согласился дядя Вася, – однако кое-что про это знать может. Не зря он так торопится тебя потопить – хочет, чтобы Кудеярова в деле долго не копалась. А она и рада стараться.

Я молчала, пораженная: а ведь и верно, раньше я думала, что Володька такой нервный от стресса, но теперь поняла, что он элементарно боится.

– Надо бы его прощупать... – сказал дядя Вася оживленно, глаза его заблестели.

Все ясно, по работе соскучился, надоело телевизор дареный смотреть, хоть и плазменный. Ох, рано его на пенсию выперли!

– Как его прощупаешь, – уныло ответила я, – он, как только меня увидит – сразу же в милицию сдаст. Да и вообще, не успеем мы с Бонни отсюда выйти – нас сразу же сцапают, дог приметный очень, никто мимо не пройдет...

– А вы пока тут пересидите. – Дядя Вася задумался и отвечал мне машинально.

– Да как же я без вещей... все дома осталось... Даже если одна за ними пойду, все равно у квартиры небось караулят... – Я совсем пала духом.

– Точно! – весело согласился дядя Вася, – Кудеярова так им хвост накрутила, что они и ночью тебя стеречь станут! Но ты, тезка, не тушуйся и не опускай руки раньше времени! Раз дядя Вася взялся за дело – он все справит в лучшем виде, ты только меня слушайся!

– А что мне еще остается... – вздохнула я.

Дядя Вася выехал из переулочка и затормозил за два квартала до моего дома.

– Здесь голубчики! – проговорил он, невольно понизив голос. – Вот, глянь, видишь машину на той стороне улицы, возле кафешки?

Я посмотрела в том направлении и увидела невзрачные бежевые «Жигули», ничем не выделяющиеся среди других машин.

– Откуда вы знаете, что это милицмейская машина?

– Очень просто, тезка. Первое дело – что у них «жигуль». Кто сейчас на таких машинах ездит?

– Вы же ездите!..

– Верно, я езжу и другие пенсионеры вроде меня, у кого на иномарку денег не хватает. Но у меня «жигуль» старенький, я его уж сколько лет своими руками до ума довожу, а у них – новый, недавно купленный. Видно, выделили денег на милицмейский транспорт. Начальству иномарки купили, а операм – «Жигули»... поддержали, как говорится, отечественного производителя... но это неважно, главное – где они свою машину поставили.

– И где?

– Ох, тезка, всему тебя учить надо! – Дядя Вася тяжело вздохнул. – Глянь, они же ее прямо под знаком поставили! Видишь?

– Ну да. – Я наконец заметила над бежевыми «Жигулями» знак «стоянка запрещена». – Так больше на всей улице свободного места нет, вот здесь и поставили.

– Есть место или нет – это дело десятое. Простой человек все равно под знак не встанет. Ему лишние неприятности не нужны. А кто может под таким знаком машину поставить? Тот, кто в себе сильно уверен. К примеру, большой начальник или крутой пацан, у которого пальцы не во всякую дверь пролезут. Но начальник или хмырь распальцованный на «Жигулях» точно не ездят. Значит, кто остается? Правильно, милиция! Так что не сомневайся – тут они, голубчики!

– Но в машине никого нет! – заявила я, приглядевшись к «Жигулям».

– Правильно! – Дядя Вася одобрил мою наблюдательность. – Потому что надоело им сидеть в машине или проголодались и пошли в кафешку. Сели возле окна, пьют кофе с булочками и за твоим подъездом присматривают. Приятное с полезным соединяют – вроде и на службе, и время приятно проводят.

– Так что же делать? Выходит, не удастся мне в квартиру попасть?

– Почему же не удастся? Вот послушай, что мы с тобой сейчас предпримем...

Дядя Вася подробно изложил мне свой план, в заключение достал из бардачка круглую пластмассовую коробочку вроде новогодней хлопушки и повторил:

– Запомнила, что делать?

– Запомнила! – Я спрятала коробочку в карман куртки и открыла дверцу машины.

– И не забудь – не чемодан, а мешок для мусора!

Я отошла от его машины и спряталась за деревом, откуда хорошо просматривалась вся улица.

Дядя Вася выждал пару минут, затем выжал сцепление, тронулся с места, разогнал машину и, поравнявшись с милицейскими «Жигулями», вильнул в сторону, задев их бортом.

В ту же минуту двери кафе распахнулись, и оттуда вылетели двое разгневанных мужчин. Они подлетели к дяде Васе, который задумчиво разглядывал вмятину на боку своей машины.

– Ты, козел, совсем сдурел? – завопил один из ментов, налетая на моего знакомого и хватая его за лацканы пиджака. – Глаза залил, так тебя и разэтак? Или ваще ослеп? Да таким, как ты, права давать нельзя! Тебя на улицу ваще выпускать опасно! Ты че, перечник старый, не видел, что здесь наша машина стоит?

Услышав голос, я поняла, что с этими типами я уже знакома. С дядей Васей мило беседовали два капитана – Творогов и Бахчинян. Да кому и быть, если у них в отделении целая рота охотится по мою душу? А почему я их не сразу узнала, так капитаны изменили внешность. Ну да, они же на оперативном задании, меня караулят. Теперь на Бахчиняне вместо светлого плаща был надет клетчатый пиджак, а у Творогова из-под неприметной серенькой курточки торчал небесно-голубой джемпер.

– А чего она тут стоит, когда здесь знак? – огрызнулся дядя Вася, распрямившись и уперев руки в бока. – Я тут, почитай, каждый день проезжаю, и никогда никого нет, потому как знак! На этом месте стоянка всю жизнь запрещенная, а вы свой драндулет поставили! И я через это свою ласточку, определенно, помял! Так что это надо разобраться, кто из нас виноватый!

– Эй, Макарыч, ты, что ли? – подал голос второй капитан. – Леха, погоди скандалить! Это же Макарыч, он в нашем отделении без малого сорок лет оттрубил...

– Уж ты скажешь... – польщенно зарделся дядя Вася, – сорок не сорок, а что двадцать, так это точно...

– А мне все по фигу – Макарыч он или Махмудыч! – Творогов продолжал по инерции кипятиться. – Он нам машину однозначно помял и должен ответить...

Дальнейшего развития событий я не стала дожидаться. Воспользовавшись тем, что оба стража порядка были увлечены разборкой, я пробежала по улице, подлетела к своему подъезду и проскользнула внутрь.

К счастью, запасной комплект ключей лежал в том самом тайничке, где я его оставила, – в небольшом углублении за распределительным щитком, и через пять минут я уже находилась в квартире.

Оказавшись внутри, я испытала, как раньше выражались в газетных передовицах, чувство глубокого удовлетворения. Здесь было так хорошо, так уютно, спокойно...

Я вспоминала, как замечательно мы с Бонни жили в этой квартире последнее время, как уютно чаевничали на кухне, как он ловил на лету кусочки ветчины или колбасы, как по вечерам мы вместе смотрели телевизор... Конечно, у нас с ним бывали некоторые конфликты и разногласия – например, он каждую ночь норовил забраться ко мне в постель, против чего я горячо возражала, но, в конце концов, мы с ним прекрасно ладили...

Впрочем, предаваться воспоминаниям, точно так же как наслаждаться уютом и покоем, мне было совершенно некогда: снаружи у подъезда караулили двое милиционеров, которых следователь Кудярова послала искать меня по всему городу, и Бонни ждал меня в нетерпении. Так что о том, чтобы принять ванну и неторопливо выпить на кухне чашечку кофе, не могло быть и речи. Самое большее, что я себе позволила, – это быстренько ополоснуться, смыв с себя пыль и усталость последних дней, и собрать кое-какие вещи.

К счастью, это заняло немного времени – обрести большим количеством вещей я просто не успела. Все мои пожитки легко уместились бы в одном небольшом чемодане.

Тут я вспомнила, что Василий Макарович велел мне сложить вещи не в чемодан, а в пакет для мусора. Ведь уходить я собиралась по черному ходу, и если на лестнице мне попадется кто-

то из соседей, мой вид с пакетом в руках не вызовет никаких подозрений. Ну, вышел человек мусор вынести...

Другое дело – если я иду по черному ходу с чемоданом. Это уже выглядит подозрительно...

Короче, я сложила свои пожитки в большой мусорный пакет, с сожалением оглядела квартиру и вышла на «черную лестницу».

Здесь я порадовалась предусмотрительности Василия Макаровича: навстречу мне поднималась толстая тетка из квартиры, расположенной над моей. Я пробормотала «здрасте», она не ответила и прошла мимо, скользнув по мне равнодушным взглядом.

Черная лестница выходила во двор, где стояли мусорные контейнеры.

Ворота запирались на замок, ключ от которого имелся только у дворника, жилыцы пользовались этой лестницей только для того, чтобы попасть на помойку.

Я благополучно спустилась во двор, никого больше по дороге не встретив, и подошла к мусорному контейнеру.

Здесь я выполнила второй указ дяди Васи, а именно: бросила в контейнер круглую коробочку, похожую на елочную хлопушку, предварительно дернув за торчащий из нее шнурок.

Из контейнера тут же повалил густой черный дым.

Я отбежала в сторонку и спряталась.

В наш двор выходила задняя дверь небольшого салона красоты, и поскольку этот салон размещался в полуподвале, к двери надо было спуститься по лестнице. Спустившись по ней, я сжалась в комочек и постаралась стать как можно незаметнее.

Из контейнера валили клубы дыма, и я надеялась, что скоро их кто-нибудь заметит.

Однако прошло минут десять, прежде чем во двор выскочил дворник Ибрагим. Он замахал руками, заверещал и наконец вытащил из кармана мобильный телефон.

Несколько лет назад дворник с мобильным телефоном показался бы персонажем из научно-фантастического романа, теперь же сотовые есть не только у каждого гастарбайтера, но даже у нищих в вагонах метро и у большинства бомжей. Не удивлюсь, если скоро появятся мобильники для домашних животных.

Короче, Ибрагим на ломаном русском языке сообщил о пожаре, назвал наш адрес и с чувством выполненного долга отошел подальше от дымящегося контейнера.

На этот раз долго ждать мне не пришлось: с улицы донеслось оглушительное завывание сирены, и перед въездом во двор остановилась пожарная машина.

Ибрагим открыл ворота, машина, сверкая красным лаком и хромом, въехала во двор, из нее высыпали бравые пожарные.

Пока они разматывали шланг брандспойта и суетились вокруг очага возгорания, я незаметно выбралась из своего укрытия, выскользнула в ворота и огляделась.

Как мы и договаривались, машина Василия Макаровича поджидала меня на углу.

Я подбежала к ней, открыла дверцу и плюхнулась на заднее сиденье.

– Поехали! – выдохнула, едва отдышавшись. – Все прошло в полном соответствии с планом!

И только тут заметила, что за рулем «Жигулей» сидит вовсе не Василий Макарович, а совершенно незнакомый и очень подозрительный мужик средних лет.

Василий Макарович благополучно урегулировал конфликт с двумя капитанами. Они отправились на свой пост (за столик кафе, откуда хорошо просматривался подъезд), а дядя Вася неторопливо объехал квартал и поставил машину там, где Василиса должна была ее сразу заметить. Он приготовился к длительному ожиданию и достал припасенную для такого случая газету с кроссвордом, как вдруг к его машине подошел сутулый мужчина с безумными глазами

и растрепанными волосами, торчащими во все стороны, словно иголки дикобраза. Он был весь какой-то пыльный, будто несколько месяцев пролежал на полке в бюро находок.

– Друг! – воскликнул он, заглянув в окошко машины. – Друг, выручи – богом прошу!

– Что, на опохмел не хватает? – сочувственно поинтересовался Василий Макарович.

– Да ты что, друг? – Незнакомец отшатнулся от машины. – Я вообще не пью! Мне холодильник перевезти нужно!

– Не-е... – Василий Макарович покачал головой. – Я не могу, человека жду... поищи кого-нибудь другого!

– Друг! – Странный мужчина схватился за дверцу «Жигулей», как утопающий за соломинку. – Выручи! Такое дело... вопрос жизни и смерти!

– Говорю тебе – не могу! И вообще, холодильник сюда не поместится...

– Маленький такой холодильник! – ныл незнакомец. – На заднее сиденье запросто влезет! И везти совсем недалеко – на Девятую линию! За двадцать минут управимся, а я тебе пятьсот рублей заплачу!

– Говорю тебе – не могу! – Василий Макарович занервничал: на них уже оглядывались прохожие, а излишнее внимание общественности ему сейчас было совершенно не нужно.

– Друг, умоляю! – Чудак опустил перед машиной на колени. – Выручи! Такое дело... хоть вешайся!

– Да что ж ты так из-за какого-то холодильника себя изводишь? Он того не стоит!

– Не в холодильнике дело, – отозвался странный тип, не вставая с коленей. – Не в холодильнике, а в принципе...

– Вот черт, привязался... – пробормотал дядя Вася. – Что с ним сделаешь?

Вокруг уже собирались зеваки.

Рассудив, что Василиса не управится меньше чем за полчаса, Василий Макарович решил, что проще помочь чудаку с его холодильником, чем участвовать и дальше в этом самодеятельном спектакле. Незнакомец явно был самым настоящим классическим занудой, которому легче уступить, чем отказать.

– Ладно, черт с тобой, садись, поехали! – сказал дядя Вася, открывая дверцу. – Где твой холодильник-то?

– Тут, за углом! – Чудак страшно обрадовался и плюхнулся на сиденье рядом с водителем. – Спасибо, друг! Ты меня просто спас! Век тебя не забуду...

– Погоди благодарить... – проворчал дядя Вася, сворачивая за угол. У него возникло чувство, что добром все это не кончится.

– Вот сюда, во двор... – командовал пассажир, – налево, к тому подъезду... к тому, где кустики... ты мне поможешь вынести холодильник?

– Да уж раз поехал – куда я денусь?

Василий Макарович выбрался из машины и следом за странным пассажиром вошел в подъезд.

Лифта в доме, разумеется, не было, а идти пришлось аж на пятый этаж по крутой и грязной лестнице.

«Ну и влип! – обреченно думал Василий Макарович, карабкаясь по ступеням. – Сейчас-то хорошо налегке, а каково будет обратно с холодильником!»

Они подошли к двери, обитой поверх железного листа узкими деревянными рейками, и растрепанный тип вытащил огромную связку ключей.

– Щас... щас... – бормотал он, перебирая ключи. – Это от другой квартиры... и этот не отсюда...

В душе дяди Васи шевельнулось нехорошее предчувствие.

Наконец нужный ключ нашелся, дверь открылась, и мужчины вошли в квартиру. По длинному захламленному коридору они дошли до кухни, хозяин показал на старенький небольшой холодильник в ярких наклейках:

– Вот он!

«Стоило ли из-за такого барахла шум поднимать? – подумал дядя Вася. – Одно хорошо – он и правда небольшой...»

Он взялся за холодильник с одной стороны, хозяин с другой, и вдвоем потащили его к выходу.

Холодильник был действительно небольшой и не очень тяжелый, но его хозяин оказался таким неловким и бестолковым, что не помогал дяде Васе, а мешал ему – то спотыкался и чуть не ронял агрегат, то поднимал свою сторону слишком высоко и задевал за притолоку...

Наконец они дотащили холодильник почти до выхода, но в это время двери широко распахнулись, и на пороге возникла женщина средних лет с черными, коротко стриженными волосами и фигурой, напоминающей дубовый довоенный буфет.

– Что здесь происходит? – воскликнула незнакомка, уперев руки в бока, и ее лицо покрылось красными пятнами. – Как это понимать, Иннокентий?

– А вот так и понимать! – заверещал растрепанный индивид неожиданно высоким, визгливым голосом. – Вот так и понимать, что я этот холодильник на свои кровные деньги приобрел! И очередь на меня записана была! Я имею полное право его забрать!

С этими словами он взмахнул рукой, выпустив свою сторону холодильника. Василий Макарович попытался один удержать вес, но не справился, и злополучный агрегат грохнулся на пол, едва не отдавив хозяину ногу. Впрочем, этого никто не заметил, потому что скандал быстро набирал обороты.

– Ты?! На собственные деньги?! – Брюнетка отступила на шаг и громко расхохоталась. – Да твоих денег только на туалетную бумагу хватало! И то ты ее столько изводил...

– Как ты смеешь?! Ты всегда меня унижала! Ты никогда не понимала мою душу! – Иннокентий подскочил к женщине, размахивая кулаками, но тут же отступил, заметив опасный блеск в ее глазах.

– Чего там понимать-то? А ну, недоносок, тащи холодильник обратно вместе со своим дружком!

– И не подумаю! Это дело принципа! Я за этим холодильником в очереди отмечался в тысяча девятьсот восьмидесятом году...

– Ага, когда Деникина разбили! – ехидно вставила брюнетка.

– Я на холодильник имею полное право! – не сдавался Иннокентий. – Это, между прочим, совместно нажитое имущество! А за недоноска ты ответишь! У меня, между прочим, справка есть, что я родился доношенным и весил четыре килограмма... – Иннокентий снова схватился за холодильник и попытался оторвать его от пола, но у него не хватило сил.

– Четыре килограмма?! – Брюнетка хрипло расхохоталась. – Зато с тех пор ты не слишком прибавил в весе!..

– А вот ты очень даже прибавила! – мстительно выкрикнул Иннокентий. – Скоро ни в одну дверь не пролезешь! Удивляюсь, как ты сюда-то протиснулась!

– Анатолий! – воскликнула дама, схватившись за сердце, и тут же с лестничной площадки просочился мужчина, подозрительно похожий на Иннокентия, если бы с того стряхнули пыль, отмыли и почистили.

– Анатолий! – воззвала брюнетка. – Твою жену оскорбляют, а ты молчишь?!

– А что я? Я ничего... – забормотал новый персонаж. – Я не молчу... я говорю...

– Слышу, как ты говоришь! У твоей жены выносят имущество, а ты смотришь на это спустя рукава!..

– Я не смотрю... – бормотал Анатолий. – Я не спущу... я не спущу...

Василий Макарович, чувствуя, что выяснение отношений явно затягивается, попытался незаметно протиснуться к двери, но темпераментная брюнетка заметила его маневр и загрозила путь:

– Ку-у-да?! – пропела она на мотив арии Ленского. – Не выпущу! Пойдешь как соучастник! Иннокентий, где ты откопал этого уголовника? Хорошие же у тебя друзья!

– Я не откопал... – отозвался Иннокентий, все еще пытавшийся поднять холодильник. – Я его вообще первый раз вижу...

– Как вам это нравится? – Голос женщины загремел с новой силой. – Привел в мою квартиру первого встречного! Да вы только на него посмотрите – явно уголовный тип! Да у меня вообще всю обстановку могли вынести и все ценности! Надо срочно проверить, не пропало ли чего, и на всякий случай вызвать милицию!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.